

ЕРОФЕЙ ТРОФИМОВ

СОЗВЕЗДИЕ
ЗЛОБНЫХ ПСОВ

Гладиатор

Ерофей Трофимов

Созвездие злобных псов

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Трофимов Е.

Созвездие злобных псов / Е. Трофимов — «АСТ»,
2016 — (Гладиатор)

ISBN 978-5-17-098018-5

...Уничтожив эскадру леобов, земляне отстояли свою свободу, но теперь остатки цивилизации оказались перед новой проблемой. Ведь из глубины космоса к Земле движется новая армада кораблей, на бортах которых находятся остатки расы инопланетян, мечтающих получить новую планету в своё безраздельное пользование. А значит, над командой «гладиаторов» нависла смертельная угроза.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-098018-5

© Трофимов Е., 2016
© АСТ, 2016

Ерофей Трофимов

Созвездие злобных псов

* * *

Молодой, ещё неуклюжий щенок, разогнавшись, легко перемахнул упавшее дерево и, с ходу изменив направление бега, исчез в густых весенних кустах. Выбежавшая следом за ним девушка замерла перед неожиданным препятствием, пытаясь по следам понять, куда делся её подопечный. Сообразив, что разыгравшийся барбос решил во что бы то ни стало обмануть её, девушка аккуратно перебралась через ствол и, осмотрев мягкую землю, весело усмехнулась.

Читать следы её учили многие. В том числе и бойцы роты спецназа ГРУ. Так что удрать от преследовательницы у щенка не было никаких шансов. Впрочем, длинные лапы, дурная энергия и азарт могли унести его далеко от посёлка. И именно этого Маше очень не хотелось. Уходить в лес одной ей запрещалось, да и самой не хотелось. Ещё свежо было в памяти нападение на посёлок банды беглых преступников, после которого её буквально за шиворот вытащили с того света.

И вот теперь, оказавшись перед дилеммой, Маша задумалась. Как ни крути, а маленький паршивец явно рванул туда, куда она идти в одиночку просто боялась. Значит, ей предстояло или нарушить запреты, что было очень плохо, пересилить свои страхи, что было неплохо, и пойти за ним, либо вернуться в посёлок и в очередной раз с обиженным видом оправдываться перед дядей Матвеем. Естественно, он не станет ругаться или ещё как-то высказывать ей своё неудовольствие, но вот его Рой...

Насмешливо фыркнув, огромный ротвейлер просто отойдёт от дома на край деревни, и маленький беглец с виноватым видом тут же прибежит обратно. Как он это делает, Маша так и не поняла. Знала только, что у проводника Матвея Беркутова и его собаки, ротвейлера по кличке Рой, особая, можно сказать, мистическая связь. Но от нарушения запрета девочку спасло неожиданное появление самого беглеца.

Вылетев из кустов, щенок сломя голову пронёсся мимо девочки и, только перепрыгнув через поваленный ствол, остановился, уперевшись в землю всеми четырьмя лапами. Вид у него в этот момент был испуганный и какой-то растерянный. Таким своего питомца Маша ещё не видела. Не понимая, что происходит, девочка растерянно оглянулась на чуть шевелящуюся под лёгким ветерком молодую листву и, повернувшись к щенку, скомандовала:

– Бак, ко мне!

Но вместо того чтобы привычно подбежать к хозяйке, одновременно зовя её поиграть, щенок боксёра стремительно перепрыгнул дерево и, ухватив Машу зубами за штанину, принялся тащить её в сторону деревни. Не понимая, что происходит, Маша попыталась успокоить его, но щенок продолжал старательно уводить её из леса. Услышав за спиной еле слышный шорох, девочка оглянулась и только теперь поняла причину такого поведения щенка.

На крошечной поляне во всей красе стоял огромный, матёрый волк, угрюмо рассматривая девушку и щенка. Словно понимая, что бежать уже поздно, молоденький боксёр отпустил штанину девушки и, в два шага оказавшись между ней и зверем, грозно зарычал, обнажая уже заметно отросшие клычки. В ответ волк чуть шевельнул пушистым хвостом и, фыркнув, медленно шагнул вперёд. В ответ щенок зашёлся звонким, ещё чуть визгливым щенячьим лаем.

Волк сделал ещё один шаг. Маша, отлично понимая, что ни она, ни Бак этому зверю не соперники, медленно нагнулась и, ухватив питомца за ошейник, так же медленно отступила на шаг назад. В ответ противник чуть оскалился и, глухо рыкнув, напружинил задние лапы. Отлично понимая, что он вот-вот бросится, Маша сунула правую руку за пояс, пытаясь обма-

нуть зверя и делая вид, что ищет оружие. Но судя по всему, этот волк отлично знал, что такое огнестрел.

Словно издеваясь, он внимательно посмотрел на руку девочки и, в очередной раз презрительно фыркнув, снова шагнул вперёд. В этот момент кусты за спиной девочки затрещали, и через упавшее дерево перелетел не кто иной, как сам Рой. Не ожидавший увидеть такого противника, волк медленно отступил на два шага, удерживая дистанцию и развернувшись к новому противнику всем телом, оскалил клыки.

Выпрямившись в струнку и вскинув тяжёлую голову, Рой медленно, словно демонстративно, обошёл девочку и щенка и, встав перед волком, чуть слышно рыкнул. Матёрый кобель ничем не уступал противнику. Такой же мощный, тяжёлый – и готовый к драке. Рыкнув в ответ, волк сделал шаг в сторону. Глухо зарывав, ротвейлер сдвинулся за ним, при этом удерживая обозначенную дистанцию.

Напряжение на поляне сгустилось до грозowego. Оба зверя, глухо урча и скаля клыки, косились друг на друга горящими красным блеском глазами. Понимая, что без драки не обойдётся, Маша крепче ухватила Бака за ошейник и принялась медленно отступать в сторону деревни. Это стало сигналом начала драки. Заметив её манёвр, волк попытался шагнуть в её сторону, и в ту же секунду Рой атаковал. Стремительный рывок вперёд, сильный удар грудью, отбросивший противника на пару шагов, и огромные клыки ротвейлера вонзились в шею противника, сминая левое ухо и складки шкуры.

Не ожидавшая этого Маша испуганно ойкнула, и Бак, воспользовавшись её растерянностью, ринулся в бой. Драться по-настоящему щенок ещё не умел, но характер бойца не позволял ему оставаться в стороне. С разбегу влетев в самую середину драки, щенок с ходу был погребён под двумя стремительно движущимися противниками. Сквозь рычание и лязг клыков Маша ясно расслышала болезненный взвизг щенка, но влезать в свару не решилась.

На этот раз бой шёл не ради обладания течной сукой, а ради победы, и противники не собирались отступать. Неожиданно клубок распался, и девочка смогла рассмотреть, что происходит. Рой, сжимая клыками горло противника, глухо рычал, прижимая его к земле. Бак, сцепившись мёртвой хваткой в заднюю лапу волка, просто висел на нём, мешая двигаться. Жёлтые глаза хищника в последний раз яростно сверкнули, и огромный зверь, вздрогнув, замер.

Медленно, словно нехотя, Рой разжал челюсти и, отступив в сторону, лёг на землю, тяжело дыша и то и дело облизываясь. Бак, отцепившись от противника, хромя подошёл к Рою и, тихо поскуливая, лизнул его в щёку. Тихо рыкнув в ответ, кобель настороженно обнюхал щенячье плечо и, повернувшись к девочке, выразительно взглянул на неё.

Понимая, что он пытается ей что-то сказать, Маша быстро подошла к щенку и, увидев кровь на короткой шёрстке, испуганно ахнула. Подхватив Бака на руки, девочка кинулась в деревню бегом, тихо молясь о том, чтобы Бак остался в живых. Во время нападения на деревню её первый пёс погиб, защищая хозяйку от двуногих зверей. Потерять вторую собаку почти при таких же обстоятельствах было выше её сил.

Отдышавшись, Рой поднялся на лапы и, подойдя к туше волка, настороженно обнюхал его. Потом, развернувшись, неторопливой рысью потрусил следом за девочкой. В деревню они вбежали вместе. Не останавливаясь, Маша вихрем ворвалась в будку дежурного по посёлку и не терпящим возражения тоном потребовала дать ей машину. Увидев на руках у девочки окровавленного щенка, дежурный, седой старшина из ополченцев, тут же вызвал водителя, и вскоре выдавший виды «уазик», надрывно завывая двигателем, покатиł в сторону базы.

Оставшийся у будки дежурного Рой, проводив взглядом машину, задумчиво посмотрел на ветерана и, развернувшись, направился в сторону своего дома. Отлично зная, что это за собака и куда она направляется, старшина только мелко перекрестился, обрадовавшись, что огромный кобель направился по своим делам. Вообще такое бывало очень редко. Но уж если

псу и его проводнику выпадали свободные часы, то они старались проводить их отдельно друг от друга.

При этом сам проводник старался оставаться дома, рядом со своей подругой, а пёс, предоставленный самому себе, отправлялся гулять по всей деревне или бессовестно дрых в тени, вольготно развалившись и басовито похрапывая. Эту манеру знаменитой парочки знали все обитатели деревни и старались обходить стороной отдыхающего кобеля. Недаром они были живой легендой всей базы. Но в этот раз Рой решил нарушить традицию.

Толкнув носом калитку, он вошёл во двор и, подойдя к закрытой двери дома, сел. Настороженно глядя на деревянное полотно, кобель шумно вздохнул. Дверь распахнулась, и на пороге появился мужчина. Среднего роста, жилистый, седой, он быстро вышел на крыльцо и, присев перед собакой на корточки, тихо спросил, глядя псу в глаза:

– Что случилось, приятель? Сильно порвал? Понятно. Придётся генералу докладывать. Есть хочешь? Ты чего? Решил на диету сесть?

Этот монолог со стороны казался странным, но между огромным кобелём и его проводником существовала странная связь. Рой был единственным действующим генномодифицированным псом, выведенным специально для борьбы с нашествием леобов. Изменения, внесённые в его организм на генном уровне, сказались не только на быстроте его роста и габаритах, но и на умственных способностях. Рой был собакой-телепатом.

Для непосвящённых это звучало дико, но это было правдой. Из пяти щенков его помёта в живых остались только двое. Рой и его сестра. Молодая сука оказалась искалеченной во время столкновения с отрядом пришельцев, и генерал-майор Лоскутов, в чьём ведении и с чьего волевого решения было принято решение о запуске этого проекта, приказал отдать её молодой медсестре из ветеринарного госпиталя. Настя долго выхаживала её, но Рагда выжила. Все остальные братья пса погибли в разное время в боях. Из-за ментальной глухоты их проводников.

Слишком странным и неожиданным оказался результат этого эксперимента. А когда люди смогли понять, что именно создали, было уже поздно. Так Рой оказался единственным на всём свете псом, способным общаться со своим проводником на уровне мыслей. Оба они и страдали, и радовались этому факту. Но всё чаще Матвея Беркутова посещала мысль о том, что с ними будет дальше. Опытный кинолог отлично знал, что срок жизни его собаки стремительно катится к концу, и не знал, что с этим делать.

Сам Рой, не умея оперировать абстрактными понятиями, не задавался подобными вопросами, с удовольствием проживая каждый свой день и невольно заражая Матвея своей жизнерадостностью. Матвей и сам замечал, что его настроение очень часто совпадает с настроением пса. А их знаменитая в узких кругах совместная ярость не раз спасала им обоим жизни. Налив в чисто вымытую миску свежей воды, Матвей поставил её перед Роем и, закутив, присел на ступеньки крыльца.

Стоял погожий денёк. Весна решительно вступала в свои права, и природа, освободившаяся от давления человеческой цивилизации, стремительно завоёвывала некогда отнятые у неё пространства. После нападения леобов все крупные города превратились в руины, а население планеты сократилось в разы. Поэтому выжившим приходилось начинать всё сначала.

В том числе и бороться с резко расплодившимися хищниками. Сегодняшний случай с нападением волка натолкнул Матвея на мысль, что бойцам базы в очередной раз придётся принять участие в массовой облаве. Сократить популяцию опасных хищников можно было только подобным образом, в противном случае они вполне могли начать сокращать популяцию самих людей.

* * *

Полковник Савенков, вбежав в ветеринарную палатку госпиталя, увидев дочь, с облегчением перевёл дух и, шагнув к девочке, негромко спросил:

– Мышка, что случилось?

– Мы с Баком заигрались и забежали в лес. Не далеко. Буквально пять минут ходьбы шагом. И на нас волк напал.

– Ты стреляла?

– Я пистолет дома оставила, – смущённо опустила глаза девочка. – Нас Рой спас. Он волка задушил. А я, дура косорукая, Бака не удержала. Он в драку влез, и его волк подрал, – закончила она, заливаясь слезами.

– Что доктор сказал? – спросил Савенков, обнимая дочь.

– Что вовремя принесла. Раны глубокие, – прохлюпала девочка, продолжая рыдать.

– Ничего. Значит, выживет, – попытался успокоить её отец. – Мы же всё равно его не бросим и будем любить. Он ведь тебя защищал. Обойдётся, милая. Знаешь, как говорят; заживёт, как на собаке.

– А Рой? Он же там остался, – продолжала рыдать девочка.

– Ну, раз Матвей его ещё не привёз, значит, с ним всё в порядке, – вздохнул отец. – Знаешь, я только сейчас понял, что у нас с тобой судьба такая, всю жизнь им спасибо говорить. Обоим.

– А можно я дядю Матвея с Роем к нам в гости позову? – тут же спросила Маша.

– Нужно. А я попробую в соседнюю деревню съездить, мяса для шашлыка добыть, – решительно одобрил её просьбу Савенков. – Устроим маленький праздник.

Из отделённой брезентовой занавеской операционной вышел пожилой ветеринар и, увидев полковника, устало улыбнулся:

– Всё будет нормально с вашим барбосом. Рана обширная, но не глубокая. Видать, мимоходом клыком полоснули. Так что через пару дней будет бегать как новенький.

– А его обязательно тут оставлять? – быстро спросила Маша, утирая слёзы.

– Ну, если обязуетесь его каждый день ко мне на осмотр привозить, то можете забрать, – подумав, кивнул врач. – И учтите, девушка, привозить его обязательно. Нужно убедиться, что заражения не началось.

– Обязательно привезу. Надо будет, пешком приду, – истово пообещала девочка.

– Тогда забирайте. Но учтите, он сейчас под анестезией. Так что несите аккуратно и не пытайтесь будить. Пусть спит. Чем меньше на первых порах будет двигаться, тем быстрее раны заживут.

– Я поняла, доктор, – кивнула Маша, на цыпочках проскальзывая в операционную.

Выйдя вместе с дочерью на улицу, Савенков помог ей забраться на сиденье и, повернувшись к водителю, сказал:

– Спасибо за помощь, старина. И на обратном пути поаккуратнее. Постарайся не трясти сильно.

– Сделаем, Андрей Сергеевич, – кивнул водитель, отлично знавший, чью дочь вёз в госпиталь.

Захлопнув дверцу, полковник отступил в сторону, и водитель, запустив двигатель, не спеша повёл машину в сторону деревни. Проводив машину взглядом, полковник испустил тяжёлый вздох и, развернувшись, широким шагом направился в сторону штабной палатки. Возникшую проблему нужно было срочно решать. Расплодившиеся волки уже давно начали беспокоить человеческие поселения, уничтожая скот и нападая на движущихся пешком путников.

Генерал Лоскутов, распекавший кого-то по телефону, увидев вошедшего полковника, закончил разговор и, положив трубку, устало спросил:

– Что там было, Андрей?

Оба офицера заканчивали одно училище и общались ещё с курсантских времён, так что, оставаясь с глазу на глаз, могли разговаривать, не оглядываясь на чины и звания.

– Волк. Почти у самой деревни. А моя дурёха ещё и пистолет не взяла, – удручённо вздохнул полковник.

– Цела? – быстро спросил Лоскутов.

– Она-то цела. А вот щенку досталось.

– Погоди, как же они тогда отбились, если у неё ствола с собой не было? – не понял генерал.

– Рой спас. В очередной раз, – развёл руками полковник. – Я Матвею и так по гроб жизни обязан, а теперь ещё и кобелю его. Хоть бросай службу и начинай крупный рогатый скот разводить, чтобы обоих радовать.

– Чем это? – удивился Лоскутов.

– Матвея мясом, Роя костями, – усмехнулся полковник. – Оба хищники.

– Это точно, – рассмеялся в ответ генерал. – Никогда не забуду, как он мне тут на питание в госпитале жаловался.

Я, говорит, без мяса голодный хожу. Ладно, что делать-то будем?

– Пора большую облаву объявлять. Поднимать всю базу и начинать охоту, – решительно ответил Савенков. – Заодно народ на зиму шкурами тёплыми обеспечим.

– Так ведь звери сейчас линяют, – напомнил ему генерал.

– И что делать? – не понял полковник.

– Нет, у нас сейчас времени и людей, чтобы большую охоту объявлять, – тяжело вздохнул генерал. – Проблем выше головы. Людей из палаток переселять надо. Госпиталь нормальный ставить, да и нам с тобой тоже пора нормальный штаб иметь. А то сидим в палатках, как туристы недоделанные. Который год уже.

– Значит, звери так и будут на деревню нападать? – угрюмо спросил полковник.

– Не гони волну, Андрей. Разберёмся и со зверями, – вздохнул генерал. – Но не сейчас.

– Что опять не так? – насторожился Савенков, сообразив, что старый приятель чем-то озабочен.

– Из центра указ пришел, предоставить нашу местную знаменитость для дальнейшего развития проекта.

– Чего-о? Это Матвея с Роем, что ли? – растерянно протянул полковник.

– А у нас ещё кто-то есть настолько знаменитый? – иронично усмехнулся Лоскутов.

– И зачем им это?

– Проект признан перспективным. Так что их пару, твоего любимого Остаповича и пару ребят, способных слышать собак, придётся отправить в центр.

– Опять двухсотых считать устанем, – вздохнул полковник.

– В каком смысле? – не понял Лоскутов.

– В прямом. Когда вся эта бодяга начиналась, Матвей за щенка человека пристрелил и не вздрогнул. А теперь эта парочка способна весь научный центр в расход пустить. И не завидую я тому, кто попытается их арестовать.

– М-да, тут ты, пожалуй, прав. Этот псих способен спустить курок раньше, чем кто-то из проверяющих мяукнуть успеет, – удручённо покачал головой генерал.

– К тому же он ещё и упереться может, что вообще туда не поедет, – подлил масла в огонь Савенков. – Знаешь ведь, как он ко всяким яйцеголовым относится.

– Ну, такое понятие, как приказ, ещё никто не отменял, – угрюмо буркнул Лоскутов.

– Вот ему это и скажи. А он в ответ вместе со своим кобелём в леса уйдёт. Помнишь, как он тогда, в госпитале, заявил? Пока мы вместе, нам сам чёрт не брат.

– Что предлагаешь? – спросил Лоскутов, с каждым словом мрачней всё больше.

– Пускай сюда приезжают. Здесь, по крайней мере, он хоть как-то управляет. А там... – полковник выразительно покачал головой.

– Да уж, проблема, – снова вздохнул генерал.

– Потому и говорю, что всех головастика сюда надо везти.

– Там база мощнее, – поморщился генерал.

– И что? Пусть собирают материал и проваливают вместе с ним хоть к чёртовой бабушке, – огрызнулся Савенков. – А людей нам и самим не хватает. В общем, надо искать толковое обоснование и делать всё, чтобы не объект туда, а головастика сюда. Заодно и проветрятся.

– И как ты себе это представляешь? – возмутился Лоскутов.

– Просто. Оформляем задним числом кинологическую службу по подготовке собак для охраны границ и отлова выживших инопланетян. А Матвея начальником этой службы.

Щенки есть, проводники есть, вот пусть и делится опытом. А то от СКС давно уже одно воспоминание осталось.

Специальная кинологическая служба, или в просторечье «Гладиаторы», была первым военизированным формированием, сумевшим оказать достойный отпор пришельцам. Несколько десятков опытных проводников с собаками служебных и бойцовых пород, заметив, что их питомцы безошибочно находят пришельцев, сбились в группу и объявили противнику настоящую войну. Именно из этой службы и родилось серьёзное боевое подразделение, опираясь на которое, люди сумели успешно противостоять нашествию.

Инопланетяне, сообразив, кто является их самым главным противником, принялись выбивать собак и проводников. Именно поэтому полковник и предложил на базе оставшихся пар организовать новую службу. Подумав, Лоскутов снял телефонную трубку и, приказав соединить его с канцелярией, вызвал к себе начальника строевой части. Вошедший полковник, подчиняясь жесту генерала, присел на свободный стул и, неловко поправив пустой левый рукав, вопросительно посмотрел на начальство.

– Семёныч, только честно и прямо. Задним числом организовать новую службу сможешь? – с ходу взял быка за рога Лоскутов.

– Какую именно? – настороженно спросил полковник.

– Кинологическую службу по подготовке проводников и собак, – ответил генерал.

– Кинологическую могу, – подумав, кивнул полковник. – Мы собаками практически не занимались. Так, только в общих чертах. Они у нас как вспомогательная служба проходили.

– То есть собаками мы не занимались? – на всякий случай уточнил генерал.

– Только один проект, который год назад был закрыт, а все его участники переведены в другие подразделения, – бодро доложил полковник.

– А кинологи с собаками? – вступил в разговор Савенков.

– Этих сразу в СКС отправили, – отмахнулся полковник.

– Что, всех? – удивился Андрей.

– Так они у нас прикомандированными числились, – пожал плечами однорукий.

– Выходит, их у нас вообще нет? – удивился Лоскутов.

– Официально – нет. Да и СКС как таковой уже практически не существует. Почти все пары на разные границы разъехались. А те, что сейчас на базе, вроде как сами по себе. Можно сказать, вольноопределяющиеся. Или ополчение.

– Хрена себе, ополчение?! – ахнул Савенков. – Семь десятков сработанных пар, при поддержке пяти стрелков на каждую пару. Батальон по базе болтается, а ты мне говоришь, ополчение?

– Так ведь официальной команды, как их проводить, не было, – возмутился полковник. – Списочный состав определили, на довольствие поставили, круг задач нарезали – и всё. Сам же знаешь, что тут творилось. Не до того было.

– А ведь это очень даже неплохо, – весело усмехнулся Лоскутов. – Как когда-то говорили, нет человека, нет проблемы. Вот тебе и повод яйцеголовых сюда вызывать. Не можем мы ему приказывать. Он за штатом.

– Так это официально, – развёл руками Савенков.

– Так и запрос нам официально прислали, – рассмеялся генерал.

– А может, тогда и службу организовывать не нужно. Отправим его куда-нибудь на недельку, якобы на усиление, и пусть хоть кто-то попробует проверить, так это или нет, – нашёлся Савенков.

– Тоже верно, – подумав, кивнул генерал. – Вот видишь, как полезно хоть иногда канцелярищиной заниматься?

– Куда отправлять будем? – деловито поинтересовался однорукий полковник.

– По бумажкам – на границы нашего округа. А на самом деле никуда. Не хватало только, чтобы кто-то из них в глупой перестрелке пострадал, – отрезал Лоскутов.

– Простите, товарищ генерал, а что в этой паре такого? – насторожился полковник.

– Его кобеля мы будем только для племени и для натаскивания молодых собак использовать. Такого опыта, как у этой пары, нет больше ни у кого. И терять его просто так я не собираюсь, – ответил генерал.

– Так пришельцев вроде прогнали, – протянул полковник. – Или я ещё чего-то не знаю?

– Не знаешь, – помолчав, кивнул Лоскутов.

– Тогда точно не нужно бумаги оформлять, – решительно резюмировал полковник.

– Обоснуй, – потребовал генерал.

– Гражданина из ополчения мы можем только попросить, оказать содействие. Бойцу из списочного состава можем приказать.

– Так ведь военное положение ещё никто не отменял, – удивился Савенков.

– Активных боевых действий мы не ведём. Ополчение занимается охраной границ округа. Там своё командование. Так что мы вроде как наблюдаем, указываем, что им всем делать, и помогаем материально. А дальше, как в той песенке: сама, сама, сама, – усмехнулся полковник, хитро прищурившись.

– Ясно. Тогда можешь идти, – усмехнувшись в ответ, кивнул Лоскутов.

– И что мне Матвею сказать? – поинтересовался Савенков, дождавшись, когда полковник выйдет.

– Может, лучше будет пока помолчать? – задумчиво спросил Лоскутов. – Чтобы дров не наломал.

– Ага, а его кобель наши мысли услышит и всё ему доложит. И с какими рожами мы ему после этого в глаза смотреть будем? – возмутился Андрей.

– Тоже верно, – удручённо вздохнул генерал. – Вот ведь создали себе головную боль.

– Так кто ж знал, что оно всё вот так будет? – развёл руками Савенков.

– Да уж. Лучшее враг хорошего. Это прямо про нас сказано, – грустно усмехнулся Лоскутов.

– А ты чего вдруг так забеспокоился? – задал вдруг неожиданный вопрос полковник.

– Честно? У них с Данкой вроде что-то наладилось, – смущённо признался генерал. – Так что, если он по моей милости в какую-нибудь передрагу угодит, она мне этого никогда не простит. Она ещё Костю мне не забыла.

– Ну, это уже просто глупость, – возмутился Андрей. – Костя этот сам виноват. Нечего было перед всякими амёбами на колени падать.

– Вот и я так сказал, – кивнул Лоскутов. – А она заявила, что я должен был его тихо арестовать, а не устраивать показательное задержание преступника. В общем, такое впечатление, что она и сама не понимает, что её больше раздражает. Его предательство или подобная известность. В любом случае рисковать я не хочу.

– Вот и я не хочу, чтобы Мышка меня возненавидела из-за случайной глупости. А значит, сообщить мы ему должны, – подвёл итог разговору Савенков.

– Вот сам и сообщишь. Всё равно вечером в деревню поедешь, – моментально отреагировал генерал.

* * *

Эскадра из пяти огромных кораблей вышла к последнему маяку и, взяв направление на местное светило, медленно заскользила на его яркий свет. Перелёт от Леобесты был долгим, но, благодаря новейшим двигателям, срок его сократился более чем вдвое. И вот теперь Верховные Управляющие предвкушали жизнь на новой планете. Единственное, что омрачало их радость, было полное отсутствие сообщений от колониальной эскадры.

Последнее сообщение поступило давно. Исходя из местного летоисчисления, это было полтора оборота планеты вокруг светила назад. Приняв решение о большом переселении, Верховные Управляющие уже начали подгонять свой режим под ход времени местного светила. О Леобесте, как и об оставленных на гибнущей планете двенадцати миллиардах особей, признанных бесперспективными, решено было вспоминать только как о колыбели цивилизации и о героях, принёсших себя в жертву ради жизни остальных.

Но молчание командующих колониальной эскадрой заставляло Верховных Управляющих нервничать всё больше. Ведь доклад о захвате и готовности планеты к принятию расы должен был поступить уже давно. О том, что колонизация может сорваться, они даже не задумывались. Слишком много планет было захвачено и слишком много рас оказалось покорёнными. Поэтому в серьёзное сопротивление низших существ Верховные Управляющие просто не верили.

Аналитики, тщательно изучив весь полученный от разведки материал, изначально пришли к выводу, что слабо развитая индустрия, разделение всей расы на отдельные сообщества и примитивное оружие не позволят аборигенам оказать настоящее сопротивление экспансии. Но время шло, а доклада о готовности планеты к переселению всё не было. Леобеста гибла. Агонизировала. И это заставило Верховных Управляющих срочно покинуть планету.

Построенные на орбите планеты огромные корабли, способные вместить все признанные перспективными особи расы, вышли в открытый космос незадолго до того момента, когда состояние планеты оказалось критическим. Точка невозврата была пройдена давно, и теперь расе оставалось двигаться только вперёд. Возвращаться им было некуда.

Погруженные в анабиоз рабочие особи, специалисты в самых разных областях науки и техники, в общем, все, кому было предназначено положить начало новому витку развития расы, лежали в своих криокамерах, составленных ровными рядами в трюмах кораблей. Бодрствующими оставались только особи, обслуживавшие Верховных Управляющих, их личная гвардия и экипажи кораблей.

Сами Управляющие, давно уже получившие возможность продлевать собственную жизнь по своему усмотрению, не беспокоились о времени. Наука, которой на Леобесте уделялось особое внимание, служила их нуждам и позволяла удерживать власть практически бесконечно. Гвардия, вооружённая лучшим оружием, являла собой грозную силу, но это были не регулярные войска. На пять кораблей, битком набитых леобами, боевых подразделений было только полтора не полных десантных ордера.

Поэтому все свои надежды Верховные Управляющие возлагали на колониальную эскадру. Это были почти все войска, которые леобы могли выставить, случись им столкнуться с каким-либо противником. И именно поэтому долгое молчание командующего колониальным флотом заставляло Верховных Управляющих волноваться.

* * *

Вечером в старом деревенском доме шла обычная мужская пьянка. Двое выживших в памятном бою бойцов спецназа нашли время повидаться с человеком, прошедшим с ними огонь и воду. На столе, как обычно в таких случаях, лежала немудреная закуска, банки с соленьями, куски хлеба и открытые пачки сигарет. Не забыли и пса. Пара килограммов выпрошенных на кухне мослов сразу примирила Роя с гостями.

Громадный кобель, несмотря на все свои способности, всё равно оставался псом. И его ревность частенько доставляла им обоим серьёзные неудобства. Но отлично помня пришедших, Рой милостиво принял угощение и, устроившись рядом со столом, погрузился в разборку с костями, позволив Матвею хоть немного расслабиться.

Друзья прикончили уже вторую бутылку, когда дверь без стука открылась и на пороге появилась высоченная фигура в новеньком камуфляже, с АК-103 на плече. Внимательно смотревший на двери до появления фигуры Рой, одним движением вскочив на лапы, проскользнул к пришедшему и настороженно замер, принюхиваясь. Не ожидавшие такого явления собутыльники удивлённо переглянулись.

– Беркутов, Матвей Иванович? – спросил вошедший, настороженно поглядывая на собаку.

– Допустим. А ты кто? – спросил Матвей, небрежно опустив руку на бедро, где висела неизменная кобура с пистолетом.

– Капитан Крестовский. Вам надлежит завтра в девять ноль-ноль явиться в штаб базы вместе с собакой, для проведения контрольного осмотра. Так что завязывайте с алкоголем и расходитесь, – ответил вошедший не терпящим возражения тоном.

– Какого ещё осмотра? – вопросительно выгнул бровь Матвей. – Ты вообще кем себя возомнил, парень? Ввалился в дом, не зван, не ждан, ещё и указы тут раздаёшь. Тебя, похоже, в пещере воспитывали.

– Почему в пещере? – растерялся вошедший.

– Да потому, что ты двери за собой не закрываешь. А в пещеру вошёл, шкура за спиной сама упала, – презрительно фыркнул Матвей.

– Накурено у вас, хоть топор вешай, – скривился капитан, неодобрительно косясь на стол, где в пустой консервной банке высилась горка окурков.

Взяв со стола нож за конец рукояти двумя пальцами, Матвей поднял его над столом и, подержав пару секунд, отпустил. Как и следовало ожидать, нож вонзился в столешницу. Задумчиво посмотрев на результат своего камлания, Матвей удручённо вздохнул и развёл руками:

– Как видишь, ещё не время. Даже нож не держится.

– В общем, я приказ передал, остальное ваше дело, – мрачно отозвался капитан.

– И чей же это приказ? – тут же спросил Матвей.

– Генерал-лейтенанта Васильева.

– Не знаю такого, – развёл руками проводник. – Так что, если хочешь довести до меня такой приказ, то будь добр предъявить бумажку, где означенный генерал свою закорючку коряво поставил. А ещё правильнее будет направить её по команде. Чтобы приказ этот до меня моё непосредственное начальство дошло.

– И кто ваш начальник? – спросил капитан, с каждой секундой мрачней всё больше.

– Понятия не имею, – рассмеялся Матвей. – Базой командует генерал-майор Лоскутов. А вот кто там дальше, знать не знаю и знать не хочу. Чем меньше начальников, тем легче дышать. Так что ищите.

– Слушай, ты... – выверился капитан, хватаясь за автомат, но в ту же секунду замер.

Одновременно с его движением произошло сразу две вещи. Первая. Рой, метнувшись вперёд, звучно клацнул клыками у самых гениталий капитана, при этом сохраняя полное молчание. Вторая. Сам Матвей, только что расслабленно откинувшийся на стуле, одним движением выхватил из кобуры пистолет и, бросив руку на стол, навёл ствол в грудь капитану. Сидевшие за столом бойцы одновременно скользнули со своих мест в стороны, сжимая в руках ножи в положении для метания.

– Замри, если не хочешь, чтобы тебя кастрированным похоронили, – угрюмо посоветовал Матвей, не сводя с вошедшего напряжённого и совершенно трезвого взгляда.

Сообразив, что дело запахло порохом, капитан замер, даже не делая попыток хоть как-то изменить положение.

– Ты из какого подразделения? – неожиданно спросил один из бойцов, внимательно рассматривая капитана.

– Шестой отдел. Особая отдельная рота спецназа, – коротко ответил офицер.

– Понятно. Преторианец, – кивнув, скривился боец.

– То-то я смотрю, форма словно только со склада, – поняливо кивнул Матвей.

– Он злой на тебя, – услышал проводник и, опустив взгляд, внимательно посмотрел на собаку. – Он злится, что его заставили бросить все дела и ехать сюда из-за какой-то шавки и её пьяного хозяина.

– Можешь передать своему начальству, что работать с тобой мы не будем, – сказал Матвей, поднимая взгляд.

– Почему? – растерялся капитан.

– Первое, ты не любишь собак. Второе, ты ведёшь себя, как зарвавшийся чинуша, а не как боец спецназа. Вот спецназ, – сказал проводник, указывая на стоящих бойцов. – Они с прищельцами дрались с первого дня вторжения. Из всего взвода нас только трое осталось. И третье, ты даже не спросил, с чего мы вдруг пьём. А мы сегодня друзей поминаем. Тех, кто вместе с нами жизнью рисковал. Так что вали отсюда и не возвращайся. А за дела свои на начальство злись. Мы тебя сюда не звали.

– Откуда ты... – растерялся капитан, но посмотрев на собаку, замолчал. Потом, медленно поправив автоматный ремень, спросил: – Выходит, это не сказки? Этот пёс и правда мысли читает?

– А вот это тебе знать совсем не надо. Что называется, от слова совсем. Иди, – приказал Матвей, кивнув на дверь. – И дверь за собой закрой.

Понимая, что разговора не получилось, капитан, молча развернулся и вышел из дома. Бойцы, расслабившись, уселись на свои места, а Матвей, повернувшись к собаке, сосредоточился и мысленно спросил:

– Ты чего это посторонних в дом пускаешь? Сторож?

– Он искал тебя, – последовал равнодушный ответ. Рой вернулся к своим костям.

– И что? А если бы меня враг искал? – попытался возмутиться Матвей.

– Он ругался про себя, что должен в темноте искать мужика с собакой, чтобы передать приказ. Приказ это работа. Мне скучно, – последовал ответ.

– А я думал, ты любишь отдыхать, – растерялся Матвей.

– Люблю. Но сейчас скучно, – вздохнул Рой и, оторвавшись от угощения, подошёл к проводнику.

Положив ему на колени огромную башку, пёс еле слышно заурчал, и Матвея обдало тёплой волной самых разных эмоций.

- Не сердись. Мне правда скучно. Мы давно не ловим врагов.
- Знаю, Ройка. Но ведь это хорошо. Это значит, что мы их победили и можем просто жить дальше, – подумал Матвей, ласково теребя бархатные уши кобеля.
- От тебя плохо пахнет, – тихо фыркнул пёс.
- Знаю. Но и ты у меня не розовый куст. Так что квиты, – улыбнулся Матвей.
- Что значит квиты? – тут же последовал вопрос.
- Это значит, каждый остался с тем, что у него и было.
- Не понимаю.
- В расчёте.
- Всё равно не понимаю, – продолжал упираться кобель.
- Это только человеческое понятие. Просто запомни его, – отмахнулся Матвей. – Ты не услышал, зачем нам завтра идти в штаб?
- Нет. Он и сам не знает, – вздохнул Рой и, потеревшись о проводника так, что подвинул его вместе со стулом, вернулся к угощению.
- Внимательно наблюдавшие за ними гости только удивлённо крутили головами. Заметив их реакцию, Матвей чуть усмехнулся и, махнув рукой, скомандовал:
  - Наливай. А то с этим гостем из меня весь хмель вылетел.
  - Неужели он вправду всех подряд услышать может? – спросил боец, разливая водку по стаканам.
  - Всех, – вздохнул Матвей. – А самое смешное, что у этого барбоса на всё есть своё собственное мнение. Потому и возникают иногда такие вот ситуации.
  - А я всё голову ломаю, с чего это вдруг он даже голос не подал, – протянул другой боец.
  - Ему, видишь ли, интересно стало, кто это меня посреди ночи ищет, – усмехнулся Матвей.
  - О как?! И что ты с этим самоуправством делать будешь?
  - Уже сделал. Выговор. Ну не бить же его, – развёл руками проводник.
  - Тебе виднее. Лично я даже на выговор бы не отважился, – рассмеялся боец, разливавший спиртное.
  - Да уж. С таким крокодилом шутки плохи, – кивнул второй, поднимая свой стакан.
  - Да бросьте вы, – отмахнулся Матвей. – Просто любить их надо. Вот и всё.
  - А ты, выходит, из разряда чокнутых собачников?
  - А кто ещё решится рядом с таким зверем всю жизнь жить? – развёл руками Матвей.
- Друзья за разговором допили бутылку, и Матвей, выделив им постельное бельё и подушки, принялся наводить порядок. Быстро собрав объедки и мусор, он вымыл посуду, присев на ступеньку крыльца, закурил. Вышедший из дома пёс, присев рядом с ним, ткнулся носом в щёку проводника и, вздохнув, спросил:
  - Ты грустишь. Зачем?
  - Я вспомнил свою семью, Ройка.
  - Я знаю. Но ведь их давно уже нет. Они умерли.
  - Да. Умерли.
  - Тогда зачем вспоминать?
  - Ну, ты же помнишь своих братьев, которых убили враги.
  - Плохо, – откровенно признался пёс. – Я не умею долго помнить. И мне не грустно оттого, что их нет. Мы были щенками, когда ты забрал меня.
  - А я был взрослым, когда мои девочки погибли, – вздохнул Матвей.
  - Но у тебя есть Дана. Разве тебе не хорошо с ней?
  - Хорошо. Но это не значит, что я должен забыть свою семью.
  - Не понимаю.
  - А я не знаю, как тебе правильно объяснить, – грустно усмехнулся Матвей.

– Ничего. Я знаю, что ты делаешь правильно.
– Как это знаешь? – удивился проводник.
– Знаю. Не могу объяснить, – фыркнул Рой. – Знаю. В голове.
– Ещё не легче. Только не говори, что ты научился будущее предвидеть, провидец лопухий, – рассмеялся Матвей.
– Нет. Не будущее. Я знаю, что ты не обманываешь, – снова фыркнул пёс.
– Уже проще, – рассмеялся Матвей, обнимая пса за жилистую шею и прижимая его к себе.

Огромный пёс, для вида посопротивлявшись, с удовольствием завалился на колени проводнику, пытаясь, фыркая и вывалив от удовольствия язык. Это была одна из их любимых забав. Огромный пёс, несмотря на всю свою свирепость, всё ещё оставался игривым, словно подросток. Глядя на него, Матвей никак не мог поверить, что этому красавцу всего два с половиной года.

После попытки пленного леоба подчинить себе Матвея, Рой стал говорить очень чисто, иногда оперируя такими понятиями, что ставил проводника в тупик. Но тем не менее многие вещи оставались для него недоступными. Рой никак не мог, например, осознать такие абстрактные понятия, как будущее или воображаемый предмет. Но при этом не оставлял попыток понять своего проводника. Понять его логику и причины определённых поступков. И именно поэтому между ними всё чаще возникали разговоры о тех или иных поступках окружающих людей.

* * *

Утро началось с очередного сюрприза. Примчавшийся в деревню Савенков разбудил Матвея ни свет ни заря и, тяжело плюхнувшись на стул, мрачно сказал:

– Значит, так, Матвей. Из центра по ваши души приехала куча проверяющих. Из них процентов семьдесят головастики. Остальные по нашему ведомству.

– И какого, прости за грубость... им нужно, – фыркнул Матвей, загнув трёхэтажную конструкцию.

– Если б мы знали. Требуют тебя, его и пару ребят, способных его слышать. Мы официально отписались, что тебя в очередную командировку унесло, но они сами приехали. Хотя изначально требовали вас туда отправить.

– А Лоскутов что говорит? – помолчав, уточнил Матвей.

– Молчит. А если открывает рот, то ругается так, что бумаги на столе тлеют.

– Хочешь сказать, что он тоже не в курсе дела?

– Именно это я и говорю, – устало кивнул полковник.

– Что предлагаешь?

– А что тут можно предложить? – развёл руками Андрей. – Отказаться мы всё равно не можем. Да и непонятно, с чего их вдруг так припекло.

– Андрей, запомни сам и передай Лоскутову. Никто, кроме меня, к моей собаке не подойдёт. Не то что не тронет, а даже не подойдёт. И плевать я хотел на все их теории, догадки и все остальные домыслы. Поймите. Любую его боль я чувствую, как свою, и не собираюсь становиться слюнявым идиотом в угоду кучке научно-озабоченных сволочей. Потребуется, пушу в ход оружие.

– Погоди психовать. Может, всё ещё не так мрачно, – попытался осадить проводника Андрей, но того уже понесло.

– Это моя собака, – рявкнул Матвей, сжимая кулаки.

Словно поддерживая его, Рой пружинисто подскочил к столу и, оскалившись, зарычал. При этом взгляд пса был направлен куда-то в пространство, словно он угрожал не сидящему

здесь полковнику, а воображаемому противнику. Отлично помня, что именно с этой фразы начиналось любое безобразие, связанное с учёными, Андрей удручённо вздохнул и, разведя руками, спросил:

– Это у тебя заклинание такое, чтобы в психоз впасть?

– Это то, что помогает нам выжить, – огрызнулся Матвей, поглаживая пса.

– Нет, ребята. Вы точно чокнутые. Оба, – решительно резюмировал полковник.

– Когда встреча? – спросил Матвей, немного успокоившись.

– Встреча, – фыркнул полковник. – Это на гражданке встреча. А мы прибываем по вызову.

– А я ополченец, – вяло огрызнулся Матвей. – Тот же пиджак, вид с боку. Короче, когда?

– Прямо сейчас. С чего я, по-твоему, сюда примчался, едва штаны успею надеть?

– Без завтрака никуда не поедет, – ответил проводник, злорадно ухмыльнувшись.

– Так и норовишь под молотки подставить, – покачал головой полковник.

– Ты сам-то позавтракать успел? – спросил Матвей, не обращая внимания на его слова.

– Откуда? Посыльный по штабу примчался. Хватай мешки, вокзал поехал. Я в штаны и к тебе, – развёл руками Андрей.

– Вот и не спеши, а то успеешь, – усмехнулся Матвей. – У них теории и большая наука, а у нас служба и распорядок. Война войной, а обед по расписанию.

– Ты уж сам определись, на службе ты или кто? – рассмеялся в ответ полковник.

– Или как, – не сумел промолчать Матвей, сноровисто нарезая бутерброды и разливая по кружкам чай.

Кое в чём война пошла на пользу человечеству. Химические предприятия оказались уничтоженными, и колбасу стали делать из чистого мяса. Благо специалисты по животноводству и просто деревенские жители начали возвращаться к привычной жизни. Один такой заводик был организован на территории базы, и её обитатели с удовольствием потребляли его продукцию.

Плотно перекусив, приятели вышли из дома и, погрузившись в присланную за ними машину, отправились навстречу новым свершениям. Спустя час Матвей, Рой, полковник Савенков и генерал Лоскутов, стояли в окружении двух десятков приехавших специалистов в самых разных областях наук. Мрачно оглядев всё это стадо, как мысленно окрестил их про себя Матвей, проводник сделал глубокий вздох и, выделив взглядом самого старшего по возрасту, спросил:

– Какого чёрта вам от нас надо?

– Повेशливее, сержант, – рыкнул в ответ стоявший здесь же капитан, которого Матвей выставил из своего дома.

– Заткнись. Твой номер здесь вообще шестой. Так что стой и помалкивай, – зарычал в ответ проводник, скалясь не хуже собственного пса.

Не ожидавшие такой реакции головастики быстро переглянулись и опасливо отодвинулись подальше. На всякий случай. Очевидно, перед отправкой их как следует проинструктировали, не забыв рассказать и историю об убитом проводником учёном.

– На какое расстояние ваша собака способна слышать мысли людей? – спросил пожилой, осанистый мужчина, которому проводник задал вопрос.

– До сотни метров.

– Точнее, пожалуйста.

– Точность требуйте в палате мер и весов, а здесь всё очень неопределённо, – презрительно отмахнулся Матвей.

– Послушайте, молодой человек. Кажется, вы не понимаете, что все эти люди, видные учёные, которые вынуждены были ехать чёрт знает куда только ради изучения этой собаки, – начал заводится мужик. – Поэтому я попросил бы вас...

– Бабу свою попроси, – перебил его Матвей. – Пока мне толком не объяснят, что всё это значит, никаких опытов, экспериментов и тому подобных действий не будет. И учти, капитан, ещё раз схватишься за автомат, башку прострелю.

– А успеешь? – фыркнул капитан, презрительно скривившись.

Сам преторианец стоял в расслабленной позе, повесив свой навороченный автомат на грудь. При этом у пижона оружие даже не было снято с предохранителя. Сам Матвей был вооружён подаренным ему после победы пистолетом СР-1, «гюрза», и оставшимся со времён службы ПММ. «Гюрза» висела в тактической кобуре, на бедре, а «макарка» в кобуре скрытого ношения подмышкой.

Мешковатая камуфляжная куртка скрывала дополнительный ствол, так что преторианцу и в голову не пришло, что этот жилистый, почти совсем седой мужик может иметь козырь в рукаве. Услышав слова капитана, Матвей, с первого взгляда успевший заметить все несуразности с его оружием, только презрительно усмехнулся и громко спросил:

– Хочешь проверить?

– Хочу, – кивнул капитан. – Ты мне ещё с прошлой ночи на нервы действуешь. Так что хочу.

– Плохо, когда нервная система слабая. Ошибки делать начнёшь, – ответил Матвей и, одним плавным движением выхватив пистолет, дважды выстрелил.

Приключения в составе взвода спецназа не прошли для него даром. Патрон в стволе и спущенный курок, вопреки всем правилам и уставам, уже не раз спасали ему жизнь, давая возможность выстрелить на долю секунды быстрее противника. А стрелять дублем его обучили сами бойцы спецназа. Первая пуля ударила в затворную раму сто третьего. Вторая, прошила правое плечо над срезом бронежилета. Не ожидавший такого капитан, громко вскрикнув, рухнул в подростшую траву.

Стоявшие рядом с капитаном учёные прыснули в стороны, словно стайка перепуганных воробьёв. Бойцы взвода, которыми, как потом выяснилось, этот капитан и командовал, защёлкали затворами, беря на прицел проводника и собаку, но стоявший рядом с Матвеем генерал Лоскутов, шагнув вперёд, громко скомандовал:

– Отставить! Отставить, я сказал!

– Товарищ генерал... – начал было один из бойцов, но Лоскутов не дал ему договорить.

– Рот закрой, боец! Здесь я командую.

– Но он в капитана стрелял. – не сумел промолчать боец.

– А твой капитан дурак и позёр, если до сих пор не понял, что перед ним один из самых опытных бойцов службы СКС. Он против ксеносов ходил. И живым возвращался, а этот стоит, понты гнёт. Головой думать надо. А раз не умеет, пусть на больничной койке валяется, – бушевал Лоскутов, наступая на растерявшихся преторианцев.

– Да они и сами хороши, – вступил в разговор Савенков. – Им приказали охранять, а они рты раззявили, как зеваки. Периметр кто держать будет?

Сообразив, что действительно излишне расслабились, бойцы, угрюмо переглядываясь, отправились по своим местам. Сам Матвей, не опуская оружия, продолжал отслеживать каждое движение упавшего капитана. При этом про себя проводник успел усмехнуться. Бойцы, вырвавшись из охраняемого бункера, хотели поглазеть на диковинку, а увидели урок быстрой стрельбы. Капитан, застонав, принял сидячее положение и, держась за плечо, мрачно процедил:

– А вот за это ты, сержант, перед трибуналом ответишь.

– Ты сначала доживи до него, орёл кухонный, – зло усмехнулся Матвей. – Я ведь могу и закончить то, что начал. И плевать я на всё хотел. Из всех людей на этом свете меня только мой пёс по-настоящему любит. Так что нам обоим терять нечего.

Услышав эти слова, Лоскутов мрачно покосился на проводника, но от комментариев воздержался. Шагнув к капитану, генерал окинул его повреждения быстрым взглядом и не терпящим возражения тоном приказал:

– Берите машину и отправляйтесь в госпиталь. Здесь вам делать больше нечего.

Тяжело поднявшись, капитан поплёлся к машине. Проводив его взглядом, генерал шагнул к проводнику и, положив руку ему на запястье с пистолетом, тихо сказал:

– Ты совсем с ума сошёл? Под трибунал рвёшься?

– Нужно было с самого начала показать, кто здесь хозяин, – также тихо огрызнулся Матвей.

– Ты действительно псих, – покачал головой генерал.

– Знаю, – пожал плечами Матвей, убирая пистолет в кобуру.

Убедившись, что безобразие со смертоубийством закончилось, яйцеголовые снова начали подтягиваться к месту событий. Найдя взглядом мужчину, которому уже задавал вопрос, Матвей снова спросил:

– Так какого чёрта вам от нас нужно?

– Изучить вашу собаку.

– Это не ответ.

– У вас нет необходимого допуска, – попытался выкрутиться учёный.

– Значит, вообще ни хрена не получите, – пожал плечами Матвей и, хлопнув себя по бедру, направился к привезшей их машине.

– Принято решение увеличить поголовье таких собак, чтобы полностью перекрыть возможность проникновения в страну иностранных агентов, – нехотя сказал мужчина.

– Эти сказки вы можете военным рассказывать, – фыркнул проводник, поглаживая пса. – Правду, или мы уезжаем.

– Я не могу вам сказать, – упёрся учёный. – Вы всё равно не поймёте.

– Вот как?! А если я скажу, что вы собираетесь опровергнуть теорию возможности генетического формирования организма и сознания плотоядных животных, доказав, что подобное невозможно, что вы скажете?

– Откуда... как... каким образом? – растерялся учёный, но заметив ухмылку проводника, перевёл взгляд на собаку. – Это он вам передал?

– Вам это знать не нужно, – отмахнулся Матвей и, повернувшись к генералу, спросил: – Убедились, что вся эта шваль преследует только свои шкурные интересы? Так что поехали мы отсюда.

– погоди, Матвей. Что-то здесь не так, – настороженно покачал головой Лоскутов.

– Конечно, не так. В стране разруха, а эти крысы гранды на свои теории выжимают, – презрительно скривился проводник.

– Не могли же они весь Генштаб вокруг пальца обвести, – упрямо покачал головой Лоскутов.

– Эти кому угодно извилины в косички заплетут, Александр Юрьевич, – отмахнулся Матвей. – Говорю же, крысы.

– Послушайте, что вы себе позволяете?! – возмутился пришедший в себя учёный. – Я не позволю, чтобы какой-то неуравновешенный тип оскорблял лучшие умы страны.

– Заткнись, – оборвал его словоблудие Матвей.

– Да.

– Я сказал, заткнись, если не хочешь свои хваленые мозги по траве собирать, – рыкнул в ответ проводник, опуская ладонь на рукоять пистолета.

Сообразив, что это не пустая угроза, учёный замолчал.

– Давайте отойдём, – неожиданно предложил генерал учёному, беря его за локоть. – А вы ждите, – добавил он, повернувшись к Матвею, не терпящим возражения тоном.

– Ройка, слушай, что они говорят, – попросил проводник, плотно прижимая ладонь к собачьей голове.

– Генерал требует, чтобы тот, другой, сказал ему, что происходит. А второй не хочет отвечать. Говорит, что ему запретили разговаривать на эту тему, – ровным, безэмоциональным тоном отвечал пёс.

Так всегда бывало, если Рою приходилось контролировать разговор на большом расстоянии. Опытным путём они с Матвеем выяснили, что расстояние свыше десяти метров вынуждало пса сосредотачиваться и полностью отключаться от всего окружающего. При общении с самим проводником это расстояние резко выросло и не требовало такого напряжения.

Убедившись, что и Лоскутов так ничего от учёного не добился, Матвей позволил Рою расслабиться и, развернувшись, пошёл к машине. Вскоре к ним присоединился и сам генерал. Сев в машину, Лоскутов устало потёр ладонями лицо и, тряхнув головой, признался:

– Ничего не понимаю.

– А что тут непонятного? – пожал плечами Матвей.

– У меня высшая категория допуска. А он твердит мне про тайну.

– Удобная позиция, не находите? Сказать нечего. Мы с Роем их крысину возню озвучили, вот и пытаются прикрыться тайной, чтобы не признавать, что вся эта затея не более чем их очередная авантюра.

– И что будешь делать, если из центра пришлют приказ заставить вас помогать, даже под угрозой трибунала? – мрачно поинтересовался Лоскутов.

– А мы сегодня уедем. Скроемся на границе. Пускай ищут, – мрачно ответил Матвей.

– Не сходи с ума. Это не выход. Пришлют роту таких вот преторианцев, и будете оба в клетках гонор показывать.

– Ну, пусть попробуют. Я ведь недаром говорю, что повторять этот эксперимент нельзя. Ни в коем случае. Врагу не пожелаешь такой жизни, как у нас. И это в мирных условиях. Поймите, Александр Юрьевич, я не хочу, чтобы молодые ребята сходили с ума от боли, когда кто-то из новой пары получит пулю. Это не должно повториться. Признаюсь честно, я и сам не понимаю, почему мы оба ещё не взбесились.

Голос проводника звучал устало и глухо. Так, словно он рассказывал это всё через силу. Сидевший рядом с ним пёс опустил голову ему на колени и, вздохнув, укоризненно покоился на генерала, словно упрекал его в том, что его человеку сделали больно. Слушая проводника, генерал старался поймать его взгляд, чтобы понять, что из сказанного правда, но Матвей упорно смотрел в пол.

* * *

Едва войдя в штабную палатку, генерал Лоскутов сразу был атакован сразу с нескольких сторон. Его адъютант, с докладом о текущих делах, дочь Дана и пять делегатов от приехавших учёных. Последние, не считаясь ни с полом, ни с чинами, перебивая друг друга, начали вопить, едва генерал переступил порог палатки. Единственное, чего удалось добиться адъютанту, это удержать всё это стадо в так называемой приёмной.

Одновременно с этой психической атакой зазвонил телефон. Решительно отодвинув учёных, генерал прошёл к столу и, сняв трубку, коротко сказал:

– Генерал Лоскутов. Слушаю вас.

Внимательно выслушав всё сказанное, Лоскутов не повышая тона, ответил:

– Ваши люди сами виноваты. Их изначально предупредили, что объект очень упрям и терпеть не может учёных. К тому же эмоциональная и этическая составляющие самого проекта вызывают большие сомнения. Об этом вам лучше спросить у самого проводника. Во всяком

случае, то, что он рассказал мне, не поддаётся трезвому осмыслению. Я не готов терять людей. Да. Угроза потери рассудка.

Закончив разговор, Лоскутов положил трубку и, повернувшись к дочери, сказал:

– Дана, зайди. Но только быстро. Как видишь, дел выше головы.

– Послушайте, генерал... – попытался возмутиться один из учёных, но доведённый до белого каления Лоскутов резко оборвал:

– Молчать! Будете говорить, когда я разрешу.

Растерявшись от генеральского рыка, головастики дружно замолчали, неприязненно поглядывая на девушку. Сама же Дана, одарив эту толпу презрительным взглядом, направилась в отцовский кабинет походкой манекенщицы. Шагом от бедра, плавно покачивая бёдрами. При этом она даже спиной умудрялась выразить своё презрение к гражданским штафиркам.

Несмотря на камуфляжный костюм и тяжёлые берцы, девушка умудрилась, не говоря ни слова, высказать о них всё, что думает. Проследив за этой демонстрацией насмешливым взглядом, генерал вошёл в свой кабинет следом за дочерью и, устало опустившись в кресло, спросил:

– Чего прискакала?

– Они здесь из-за Матвея? – спросила Дана, ткнув пальцем в сторону приёмной.

– Угу, – мрачно кивнул генерал.

– И чего им нужно?

– Сам ещё не понял, – вздохнул Лоскутов.

– Как это? – растерялась девушка.

– Эти тень на плетень наводят. Начальство всё на них сворачивает. В общем, как всегда, сделай, но спрашивать не моги. А чего сделать, неизвестно.

– Очень интересно! А если Матвей их пошлёт подальше?

– Уже.

– Что уже?

– Уже послал. И даже их начальника охраны в госпиталь отправил.

– Это капитан с простреленным плечом и разбитым автоматом? – вскинулась Дана.

– Он самый, – тяжело вздохнул генерал.

– И что теперь будет?

– Пока не знаю. А как там этот раненый?

– Фармазон и хам трамвайный, – отмахнулась девушка. – Не успел от наркоза отойти, с ходу принялся хвост распускать. Пришлось пообещать второе плечо прострелить.

– Понял?

– До таких угроза доходит, только если она приведена в исполнение, – фыркнула девушка, выразительно похлопав по висевшей на поясе кобуре.

– Только не говори мне, что и ты в него палила, – делано испугался Лоскутов.

– Ещё нет. Но к тому идёт, – мрачно пообещала Дана.

– Вот только ты не начинай.

– А я и не начинала. Но хамства терпеть не собираюсь. Тем более от такого индюка, – отрезала девушка.

– Ладно. Ты чего хотела? – сменил тему генерал.

– Куда Матвея дел? – потребовала доклада дочь.

– Где-то по базе бродят. Оба. После стрельбы пройтись решил, – вздохнул генерал.

– Папа, что теперь будет? Их заберут? – тихо спросила девушка, глядя на отца полными слёз глазами.

– Кто? Куда? – растерялся Лоскутов.

– Отсюда. С базы, – всхлипнула Дана.

– Зачем? Вон они все, сюда прискакали, – ответил отец, одновременно пытаясь успокоить дочь.

Суровый генерал, прошедший огонь и воду, не выносил слёз дочери. Ведь она единственная, кто остался у него от всей семьи. Именно в такие моменты он готов был сам взяться за оружие, чтобы устранить причину слёз дочери. Вот и сейчас, прижав девушку к себе, он осторожно поглаживал её по голове, тихо шепча обещание сделать всё, чтобы с её приятелем ничего не случилось. Успокоившись, Дана быстро поцеловала отца в щёку и, шепнув:

– Ты обещал, – выскользнула из палатки.

Лоскутов едва успел перевести дух, как в кабинет, не дожидаясь приглашения, ввалились учёные. Посмотрев на всё это стадо с нескрываемой ненавистью, Лоскутов вернулся в кресло и, закулив, тихо сказал:

– Я слушаю вас, господа.

– Генерал. Вы должны обеспечить полное содействие вашего подчинённого и его собаки, – с ходу взял быка за рога один из учёных.

– Должен? – иронично переспросил Лоскутов. – И когда же это я успел вам так задолжать?

– Вы не понимаете...

– Не понимаю. А не понимаю я потому, что вы ничего толком не объясняете.

– Генерал. Вы даже представить себе не можете, какой это прорыв в мировой науке. – затоковал мужик, словно глухарь, при этом фанатично блестя глазами.

– А ничего, что от вашей науки одно название осталось? – перебил его Лоскутов. – Страна в руинах. А вы – наука. Лучше бы подумали, как пользу стране принести. Как побыстрее мобильную связь, например, восстановить. Оставьте вы животных в покое. Особенно таких опасных.

– Опыты на собаках проводились от создания времён, – небрежно отмахнулся учёный.

– Неужели до вас действительно не доходит, что все ваши эксперименты причиняют боль не только собаке, но и её проводнику? – удивлённо спросил генерал.

– И что? Лично для меня наука превыше всего, – патетично воскликнул учёный.

– Ну, так и ставьте свои опыты на себе. С чего вы взяли, что человек, далёкий от науки, должен терпеть неудобства в угоду вам? К тому же в этом случае вы будете находиться, так сказать, внутри самого процесса и сможете более полно описать всё его течение.

– Но нам нужна собака, – ответил учёный, разом растеряв весь свой пыл.

– Так возьмите её. Прикажите поймать на улице любую бродяжку и работайте.

– Повторять то, что уже сделано? Терять время? – возмутился мужик, снова начиная заводиться. – Такое может предложить только дилетант.

– А я и не говорил, что что-то смыслю в науке, – пожал плечами Лоскутов.

– Значит, вы отказываетесь помогать нам?

– Да. Я отказываюсь делать что-то, чего не понимаю, – решительно кивнул генерал.

– Вы пожалеете об этом, – с угрозой прошипел учёный.

– А вот с этого места поподробнее, – зло оскалился Лоскутов.

– Обо всех ваших действиях мы составим подробный отчёт, который передадим вашему командованию, – продолжал угрожать глупец.

– Флаг вам в руки, – презрительно рассмеялся генерал. – А если посмеете ещё раз мне угрожать, устрою вашему стаду нападение банды преступников. Надоели вы мне.

– Что?!

– Вон отсюда! – рявкнул генерал, и учёных из палатки просто унесло.

Сунувшийся в кабинет адъютант только вопросительно выгнул бровь. Жестом подозвав его к себе, Лоскутов помолчал несколько минут, собираясь с мыслями, и, забирая у него папку с документами, приказал:

– Направь пару ребят присматривать за этими клоунами. Постоянно.

– Сделаем, – кивнул пожилой прапорщик.

– Беркутов появится, сразу ко мне.

– Понял. Может, кофе сварить? – поинтересовался адъютант, отлично зная своего начальника.

– Не в службу, а в дружбу, – кивнул генерал. – С самого утра уже все нервы вымотали, сволочи.

– Сейчас сделаю, – кивнул прапорщик и, подхватив папку, исчез за брезентовым клапаном палатки.

Спустя десять минут на столе генерала появились чашка свежесваренного кофе и очередная папка с бумагами. А ещё через четверть часа в кабинет заглянул Рой. Заметив широкий, блестящий нос, старательно приносившийся к витавшему в палатке запаху кофе, Лоскутов не удержался и, улыбнувшись, старательно подумал: «Зови сюда своего Матвея, и сам заходи. Разговор есть».

К удивлению всех, кто хоть немного знал, что это за пёс, Рою очень нравился кофе. Так что нахальный кобель, не задумываясь, пускался на разные хитрости, иногда даже отбieraя напиток у владельца. Унижаться и просить он считал ниже своего достоинства. Поэтому, едва учуяв у кого-то в руках чашку с кофе, запросто мог толкнуть зазевавшегося клиента под колено, заставив его расплескать напиток, после чего слизывал его с пола.

При габаритах и весе пса это не составляло особого труда. Уже сейчас Рой весил около семидесяти килограммов, достигая ростом среднего дога. Такие размеры, не обычные для его породы, частенько пугали непосвящённых. А с учётом всяческих рассказов и легенд, всё ещё витавших среди обывателей с довоенных времён, реакцию людей можно было понять. Так что кофе пёс добывал себе регулярно.

Вошедший следом за кобелём Матвей остановился посреди палатки и, угрюмо посмотрев на генерала, спросил:

– Когда прокурорских ждать?

– Утомонись, псих контуженый, – устало отмахнулся Лоскутов. – Присядь. Дело есть.

Оглядевшись, Матвей подвинул стул ближе к столу и, присев, вопросительно уставился на генерала.

– Тебе нужно на несколько дней уехать.

– Как далеко и на сколько? – уточнил проводник, даже не дрогнув.

– На недельку. Пока тут всякое бурление фекалий успокоится. Поедешь на нашу запасную базу. Там как раз новое поколение собак натаскивать начали. Поделишься с молодёжью опытом.

– А может, мне вообще куда-нибудь отсюда уехать? – помолчав, спросил Матвей.

– Куда? – не понял Лоскутов.

– На южные рубежи, например. Там, говорят, горцы снова шалить начали, дурь через границу таскают, вот и помогу нашим пограницам порядок наводить.

– А Данка? – еле смог выдавить из себя генерал.

– Со мной поедет, – ответил Матвей, чуть пожав плечами. – Если захочет, конечно.

– Хочешь последнего ребёнка у меня отобрать? – мрачно спросил Лоскутов.

– Что за ерунда? – растерялся Матвей. – Я же не на северный полюс собираюсь и не в Австралию. Да и не сможете вы её всю жизнь рядом с собой держать.

– Знаю. И про замужество всё знаю, и про свою семью. Но вот рядом, здесь, на глазах, я её удержать смогу, – ответил Лоскутов так, что проводник невольно поверил – этот сможет.

Вспомнив, что генерал, как и многие другие, потерял всю семью, и Дана единственная, кто у него остался, Матвей пожалел о своём предложении. Мужчины замолчали, думая каждый о своём. Их сосредоточенность нарушил Рой. Обойдя стол, огромный кобель походя потёрся

о грудь генерала головой, легко отодвинув его вместе с креслом от стола, и, поднявшись на задние лапы, в два движения языка выхлебал весь остывший кофе из генеральской чашки.

Глядя на этот фокус, мужчины не удержались и откровенно в голос заржали. Назвать это смехом было сложно. Они смеялись до слёз, до икоты, пока у обоих не заболели мышцы живота.

– Что это было? – сквозь смех выдавил Лоскутов. – Он от меня ласки хотел, или я ему просто мешал?

– Это он вас ласково отстранил от стола, – простонал в ответ Матвей. – Вот такого финта я ещё не видел.

– Странно, но у меня вдруг настроение поднялось, – удивлённо протянул генерал, немного успокоившись.

– А вот это уже его воздействие, – кивнул Матвей, указывая на пса.

– Что, вот так просто? Ткнул башкой, и настроение исправилось? – не поверил генерал, удивлённо глядя на собаку.

– Он этому фокусу сам каким-то образом научился, – вздохнул Матвей. – Он грустить не любит. Характер такой. Ещё щенком умудрялся такие шкоды проворачивать, что я только в затылке чесал от удивления. А потом, когда произошло наше умственное слияние, он начал мне таким вот образом настроение поднимать.

– Да уж, что не день, то новые новости, – покрутил головой Лоскутов.

– Вы выяснили, чего это стадо от нас хотело? – вернулся проводник к самому главному.

– Нет. А самое паршивое, что они даже мне угрожать посмели. А это значит, что там, в центре, у них серьёзная опора есть.

– Скорее, крыша, – мрачно буркнул Матвей.

– Ну, или так, – помолчав, кивнул генерал.

– Так может, мне и правда уехать куда подальше. А вы им объявите, что я попросту сбежал. Да хоть дезертиром объявите. Плевать. Зато у вас проблем не будет.

– Ты всерьёз считаешь, что меня ещё можно чем-то напугать? – иронично усмехнулся Лоскутов. – Генералов, конечно, хватает. Но того, который рискнёт себе на шею всё это хозяйство повесить, мало. Точнее, их вообще нет. Сам понимаешь, присылать кого-то из центра означает всю работу завалить. А повышать кого-то с периферии, так он год будет только в дела вникать. Да и мало толковых офицеров осталось. Слишком мало, – тяжело вздохнул генерал.

– А если рискнут? И в отставку отправят? – не унимался Матвей.

– Значит, вместе и уедем, – зло усмехнулся генерал. – И не просто так. Есть у меня ещё пара тузов в рукаве. Дела сдам и махнём к морю.

– К морю? – переспросил Матвей.

– Я генерал, или погулять вышел? – делано возмутился Лоскутов.

– Генерал, – решительно кивнул проводник, пряча усмешку в уголки губ.

– А где ты видел генерала, у которого нет дачи на море?

– Не понял?!

– И не поймёшь, – хитро подмигнул ему Лоскутов. – Это только мой секрет. Ещё с довоенных времён.

– Однако.

– Вот именно. Ладно, валите в деревню. Собирайтесь. Завтра выделю вам транспорт, и поедете на запасную базу.

Кивнув, Матвей поднялся и, молча пожав генералу руку, вышел из палатки, призывно хлопнув себя ладонью по бедру. Сидевший перед столом Рой не спеша поднялся и вышел следом за ним.

* * *

Всё тело томило, а голова болела так, что он думал, будто глаза сейчас выпадут. С трудом пошевелившись, Матвей попытался вспомнить, что произошло. Но боль не давала сосредоточиться. Ощупав языком губы, проводник понял, что его старательно били. В том числе и по голове. Губы были опухшими, а пара зубов заметно шатались. Кое-как сосредоточившись на своих ощущениях, Матвей понял, что на чём-то лежит. При этом руки, скованные за спиной, уже давно затекли.

Пошевелив ногами и убедившись, что они не связаны, проводник медленно перекатился на бок и попытался открыть глаза. Выяснилось, что правый глаз не отрывается, а левый приоткрылся узенькой щёлкой. Онемение рук начало отходить, и Матвей невольно застонал от очередной порции боли. Кисти рук пульсировали, а мышцы кололо так, словно по ним катали железных ежей.

Обретя хоть какую-то чувствительность, проводник попытался определить, чем именно его связали. Осторожное постукивание по поверхности, на которой лежал, показало, что сковали его наручниками. Наручники означают какую-то контуру. А контора это может быть и арест, и просто похищение. Придя к такому выводу, проводник снова попытался оглядеться. Пить хотелось так, словно он неделю бродил по пустыне, а где-то рядом звонко капала вода. Осторожно потеревшись правой стороной лица о собственное плечо, Матвей содрал корку запёкшейся крови, залепившей правый глаз, и, осмотрев помещение уже двумя глазами, понял, что находится в какой-то камере.

Его избили и бросили на пол, даже не соизволив снять наручники. Бросили одного. Где в данный момент находился Рой, Матвей не знал, а самое паршивое, не мог вспомнить. Как не мог вспомнить и того, что вообще произошло. Медленно, только на морально-волевых, поднявшись на колени, проводник встал на ноги и ещё раз более внимательно осмотрел свою камеру.

Узкое, вытянутое, словно пенал, помещение. Койка, пристёгнутая к стене, маленький столик возле неё и санузел у дверей. Вот и вся обстановка. Железная дверь, с «волчком», и никаких камер слежения. Два обрывка провода ясно сказали, что камеру решили использовать для других целей. Убедившись, что ноги его держат, Матвей решил привести себя в порядок. Но для этого нужно было избавиться от наручников.

Опустив плечи, проводник протянул руки под бёдра и, опускаясь на корточки, протащил кисти под колени. Усевшись на пятую точку так, чтобы плечи упёрлись в стену, Матвей подтянул левую ногу к груди, одновременно изо всех сил вытягивая руки вперёд. Переведя ступню через цепочку наручников, он таким же способом вывел вторую ногу и, выпрямившись, зло усмехнулся:

– Ещё повоюем.

Регулярные занятия рукопашным боем с бойцами спецназа помогли ему сохранить достаточную гибкость, чтобы проделать этот номер. Подобному способу перевода рук вперёд его обучил покойный капитан Миша. Как и тому, где именно и как прятать кобуру скрытого ношения, узкий нож, пару булавок и тому подобные, нужные в хозяйстве мелочи. Отдышавшись и переждав боль в потянутом плече, Матвей медленно поднялся на ноги и заковылял к умывальнику.

Пустив воду тоненькой струйкой, чтобы не было слышно журчания воды, он как следует смыл с лица кровь и, от души напившись, почувствовал себя почти живым. Почти, потому что сильно продолжала болеть голова, ныли отбитые почки и ушибленные рёбра, а также печень и весь остальной ливер. Ощупав голову, проводник насчитал шесть шишек и, вздохнув, тихо проворчал:

– Ничего. Посчитаемся. Теперь точно посчитаемся.

Запустив пальцы за пояс штанов, Матвей нащупал булавку и, достав её, принялся сосредоточенно ковыряться в замке наручников. Уроки Миши не прошли даром. Минут через пять, тихо звякнув, браслет на правой руке открылся. На левую руку ушло ещё меньше времени. Избавившись от браслетов, проводник осторожно растёр запястья, возвращая пальцам чувствительность, несколько раз сжав и разжав пальцы, принялся проводить инвентаризацию наличного имущества.

Только теперь Матвей понял, от чего так сильно болело правое плечо и рёбра подмышкой. Глядя не верящим взглядом на увесистый «макаров», проводник не мог поверить собственным глазам. Его отключили, судя по всему, какой-то химией. Надели наручники и избили. Но при этом даже не попытались обыскать. Всё, с чем он выходил из дома, кроме служебной «гюрзы», было при нём. Пистолет, в кобуре под правой рукой, узкий, больше похожий на стилет, обоюдоострый, отточенный до бритвенной остроты нож, длиной чуть больше ладони. Булавки, приколотые к штанам с внутренней стороны пояса.

Даже зажигалка и смятая пачка сигарет остались в карманах. Понимая, что вообще уже ничего не понимает, Матвей проверил обойму в пистолете и, сунув его обратно в кобуру, закурил. Нужно было как следует подумать. Сидя на полу, прислонившись к стене, проводник пытался в который уже раз восстановить в памяти картину событий. Но каждый раз словно наткнулся на глухую стену. Дошло до того, что проводник даже начал тихо говорить сам с собой.

– Так. И что же это у нас получается? Выходит, они меня настолько не уважают, что даже обыскивать не стали? Или понадеялись на химию и наручники. Так это просто вопиющее нарушение всех правил и уставов. И кто это может быть такой неграмотный? Или самонадеянный? Банда? Чушь собачья. К базе они не суются. Да и обыскать бы не поленились. Уж этих всякое оружие прятать учить не надо. Пришельцы? Откуда они взялись, и откуда тогда наручники? Да и бить им меня просто нечем. Это же амёбы.

Конкуренты из-за кордона? Так те бы с меня и форму сняли, чтобы не сбежал. Лучше всего подходят преторианцы, что с головастиками приехали. Уж им-то есть за что меня как следует отметелить. Лоскутов им крепко на мозоль наступил. Но что это за спецназ, который клиента не обыскал? Бред какой-то. Ничего не понимаю.

Выкурив очередную сигарету и убедившись, что действительно ничего не понимает, Матвей решил заняться более насущной проблемой. Нужно было выяснить, где Рой и что с ним происходит. Плеснув себе в лицо ещё пару горстей воды, проводник снова сел на пол и, прикрыв глаза, попытался сосредоточиться. Раз за разом он звал пса, но ответа не было. Чувствуя, что начинает впадать в отчаяние, Матвей прекратил все попытки, решив немного отдохнуть. К тому же головная боль навалилась с новой силой.

Устроившись поудобнее, проводник заставил себя расслабиться и незаметно задремал, сжимая в руке нож. Сделанный по рисунку всё того же Миши оружейником базы, этот небольшой ухорез был серьёзным оружием. Медицинская сталь, отточенная как бритва, запросто могла перехватить горло человеку. А уж правильно бить Миша его научил. Вообще, Матвей только теперь понял, как много успел узнать от погибшего капитана за то короткое время, пока они воевали вместе.

Из дремоты его вырвали лязг замка и откинувшаяся вниз двери маленькая дверца. Невидимый вертухай, сунул в неё поднос и снова захлопнул дверцу. Объявлять голодовку непонятно кому и совершать ещё какие-то подобные действия в стиле обиженных либералов Матвей не собирался. Для драки нужны силы. А значит, нужно наступить на горло собственной гордости и есть. Именно так он и поступил.

Подтянув к себе поднос, он с мрачной усмешкой осмотрел и даже обнюхал принесённое блюдо и, покачав головой, принялся за еду. Шланги с мусором, или так называемые макароны

по-флотски, были блюдом привычным и давно знакомым. Хотя несколько волоконцев тушёнки явно не могли претендовать на полное звание данного блюда. Впрочем, масла, маргарина или просто жира из той же тушёнки положить в миску явно забыли.

Быстро подметя принесённую еду, проводник поставил поднос так, чтобы его легко можно было забрать, и, осмотревшись, устроился так, чтобы рассмотреть его из «волчка» или через кормушку было невозможно. Афишировать своё освобождение от наручников раньше времени он не собирался. Дождавшись, когда поднос заберут, Матвей пересел к двери так, чтобы открыть её, не разбудив его, было невозможно.

Давать противнику ещё один шанс воспользоваться химией он не хотел. Конечно, можно было подсунуть пленнику химию в еду, но Матвей недаром так старательно принохивался к пище и первый кусок медленно и тщательно жевал, пытаясь услышать незнакомый привкус. Паранойя? Возможно. Он помнил, что современные препараты не имеют ни запаха, ни вкуса, но так было спокойнее.

Очень скоро усталый, и измученный болью арестант уснул. Матвей не знал, как долго проспал, но разбудил его не стук, не крик и не попытки открыть дверь. Это было тихое, еле слышное поскуливание обиженного щенка. Так иногда скулил Рой, когда ему снилось что-то очень плохое. Вскинувшись так, что сам невольно зашипел от боли в избитом теле, проводник сосредоточился и мысленно позвал:

– Рой! Ройка! Где ты, барбосина? Посмотри вокруг, что ты видишь? Рой! Ответь!

– Матвей. Больно, – пришёл еле слышный ответ, и контакт оборвался.

Застонав от бессильной злости, проводник стукнул кулаком по полу и, поднявшись, принялся прохаживаться по камере. Судя по ответу, порция химии, которую получил пёс, была значительно больше, чем схлопотал Матвей. Значит, ему сейчас ещё хуже, чем было самому проводнику. Выход один. Ждать, когда пёс придёт в себя и сможет описать ему место, в котором находится.

В способностях своей собаки Матвей не сомневался ни на секунду. То, что их захватили обоих, означало, что похитители постараются выжать из ситуации максимум возможностей. И интересует их прежде всего Рой. Сам Матвей, на взгляд похитителей, должен быть не более чем дополнением к способностям собаки. В противном случае от него давно бы уже избавились. А то, что кто-то из похитителей так старательно обрабатывал его бесчувственную тушку, ясно говорило, что его участие в паре считается второстепенным.

Но какой придурок, захватив объект, даже не попытался его обыскать? Этот вопрос не давал Матвею покоя. Если впасть в паранойю, то вполне можно было допустить, что пистолет ему оставили специально, чтобы пристрелить при попытке к бегству. Так сказать, на законных основаниях. А сами патроны за то время, пока он валялся в отключке, можно было заменить на другие. Или выварить те, что есть.

Ещё раз достав пистолет, проводник старательно выщелкнул из обоймы все патроны и, внимательно осмотрев каждый, недоумённо пожал плечами. Внешне это были те самые боеприпасы, которыми он заряжал пистолет неделю назад. Но это только внешне. Впрочем, зачем вообще огород городить, если можно попросту избавиться от трупа, скинув его в первую попавшуюся канаву?

Искать пропавшего человека на огромной территории, среди кучи руин, дело бесполезное. К тому же очень скоро тело так обработают хищники, что и опознавать будет нечего. Несколько разбросанных костей и всё. Выходит, его и вправду просто не обыскали. Но почему? Сняли кобур с «гюрзой» с правого бедра и успокоились? И кто способен допустить такую ошибку?

Вывод напрашивался сам собой. Это может быть тот, кто толком не сталкивался с их службой. Тот, кто и понятия не имеет, что такое СКС и с чего оно начиналось. Получается, что всему виной стереотипное мышление. Человек оставил автомат дома, понадеявшись на

пистолет, которым умеет пользоваться. А то, что у него может быть ещё один, никому и в голову не пришло. Логично? Вполне. Но кто тогда может быть таким бестолковым.

И это притом, что взяли их с Роем вполне профессионально. Сказать по-другому Матвей не мог. Иначе что он тут вообще делает? А самое поганое, что Матвей никак не мог вспомнить, что именно с ними случилось. И этот факт не давал проводнику покоя, вызывая новую лавину вопросов. Матвей прекрасно знал, что в момент перед самым нападением, атакой или любым другим столкновением, мысли и эмоции человека, даже тренированного, можно расслышать особенно отчётливо.

А значит, Рой просто не мог пропустить момент нападения. Выходит, что нападавшие сумели как-то скрыть свои эмоции. А это говорит о настоящих профи, которые никогда не допустили бы такого промаха, как забыть про обыск объекта. Окончательно запутавшись, Матвей прижался пульсирующим виском к холодной стене и незаметно задремал.

Очередное его пробуждение было очень болезненным. Не успев открыть глаза, проводник в голос застонал. В мозг, словно раскалённый гвоздь, ввинчивалась острая, пульсирующая боль. Вместе с ней в сознании Матвея вскипала дикая, необузданная ярость. Ему дико хотелось впиться клыками в горло человеку, причинявшему эту боль. Сбросив остатки сна, Матвей понял, что это не его мысли. Эти боль и злость передались ему от Роя. А значит, он где-то рядом и с ним что-то делают. Что-то такое, от чего псу очень больно.

Чувствуя, что ещё немного и потеряет сознание, Матвей поднялся на подгибающиеся от боли ноги и, всем телом ударив в дверь, закричал:

– Оставьте его в покое, сволочи! Ему же больно! Нам больно! Я сейчас с ума от боли сойду! Оставьте его!

Пиная дверь, он сквозь волны накатывающей на него боли прислушивался к происходящему за дверью. При этом он готов был прирезать любого, кто переступит порог его камеры. Пускать в ход пистолет означало сообщить всем, что дичь вырвалась из клетки. А ему сначала нужно было найти и освободить Роя. Удары сыпались на дверь один за другим, а реакции всё не было.

Наконец, в коридоре послышались шаги. Матвей убрал руки за спину, делая вид, что всё ещё скован, сжимая в правой ладони нож. Заслонка «волчка» откинулась, и чей-то глаз заглянул в камеру.

– Чего орёшь, мразь?

– Скажи, чтобы прекратили мучить собаку. Иначе я от боли с ума сойду, – выкрикнул Матвей, старательно имитируя истерику.

– Мучают собаку, а больно тебе? Может, хватит врать- то? – презрительно фыркнул вертухай.

– Идиот! Мы постоянно друг друга чувствуем. Останови это, или будешь мой труп отсюда выносить, – выкрикнул Матвей, ещё раз пнув дверь.

– Ударишь ещё раз, и я тебе морду разобью, тварь, – рявкнули в ответ.

– Останови их! – упрямо повторил проводник, специально ударя ногой в кормушку.

– Ах ты гнида! – послышалось за дверью, и в замке заскрежетал ключ.

Отступив назад, Матвей опустил голову, чтобы скрыть торжествующую улыбку, от которой потрескались разбитые губы. Быстро прислушавшись к себе, проводник понял, что боль, до этого терзавшая его мозг, куда-то отступила, сменившись тупым, надоедливым нытьём. Тем временем вертухай, отперев замок, шагнул в камеру, вытягивая из петли на поясе комбинированную дубинку.

Это был электрошокер, который можно было использовать и как обычную дубину. Убедившись, что вертухай один, Матвей позволил ему вытащить оружие до половины и стремительно атаковал. Левая рука проводника с силой ударила по руке охранника, которой тот доставал дубину, а правая одним движением вогнула нож ему в горло, не давая вскрикнуть и позвать

на помощь. Хрипя и булькая пузырями из перерезанного горла, вертухай медленно оседал на пол.

– Тихо, тихо. Я знаю, это больно. Но придётся потерпеть, – еле слышно шептал Матвей, опуская противника на пол.

Затем, крепче ухватившись за рукоять, он одним движением располосовал ему глотку, перерезав артерию. Дождавшись, когда конвульсии вертухая утихнут, проводник отёр клинок об одежду убитого и, прихватив шокер, выглянул в коридор. Теперь ему предстояло самое сложное.

* * *

Выбравшись из машины в промозглый лондонский дождь, лорд Брекхем поднял воротник своего роскошного кашемирового пальто и, недовольно оглядевшись, легко взбежал на крыльцо особняка. Разговор, который ему предстоял, не мог вестись ни по одному современному средству связи. Такие дела нужно обсуждать, глядя собеседнику в глаза. Стоявший у входа бодигард, узнав посетителя, распахнул дверь, молча отступив в сторону.

Небрежно кивнув ему, лорд огляделся и, не увидев лакея, скривился. Сняв пальто и шляпу, он небрежно бросил их на стоявший в холле диван и, повернувшись к охраннику, спросил:

– Где адмирал?

– Ожидает вас в своём кабинете, – коротко ответил охранник.

– Позовите кого-нибудь, кто мог бы проводить меня, – злясь всё больше, приказал лорд.

– Уже вызвал, сэр, – кивнул бодигард, демонстрируя ему микрофон гарнитуры связи.

Словно в ответ на его слова, из боковой двери появилась такая же квадратная фигура очередного охранника. Сэр Чарльз Брекхем не понимал, что происходит и почему в доме нет обычных слуг. Шагнув к лорду Брекхему, бодигард окинул его внимательным, настороженным взглядом и, отступив в сторону, негромко сказал:

– Следуйте за мной.

– Почему в доме только охрана? – не удержавшись, спросил сэр Чарльз.

– Адмирал дал всем слугам выходной, – коротко проинформировал его охранник.

Неопределённо хмыкнув, сэр Чарльз решил придержать свои вопросы до встречи с хозяином особняка. Подведя гостя к высокой двери красного дерева, бодигард постучал в неё условным стуком и, указывая выглянувшему охраннику на лорда, сказал:

– Сэр Чарльз Брекхем.

Охранник в очередной раз осмотрел гостя и, отступив в сторону, распахнул дверь. Войдя в кабинет, сэр Чарльз огляделся и, увидев хозяина в кресле у камина, невольно усмехнулся. Тяжело поднявшийся ему навстречу адмирал, сразу узнав посетителя, развёл руками и, извиняясь, произнёс:

– Прошу извинить, что не смог встретить вас лично, сэр Чарльз, но проклятая подагра и шагу не даёт ступить без стога.

– В таком случае присаживайтесь, старина, – ответил лорд, улыбнувшись дежурной улыбкой.

– Кофе, бренди, сигару? – поинтересовался адмирал, тяжело опускаясь в кресло.

– Всё сразу, – усмехнулся сэр Чарльз. – В такую погоду всё это будет в самый раз.

– Чему вы улыбаетесь? – с интересом спросил адмирал.

– Наша встреча происходит в классическом английском стиле. Камин, кресла, сигары, бренди, кофе. Прямо как в старых романах.

– Нужно признать, что наши предки знали толк в подобных вещах, – рассмеялся адмирал.

– Согласен. Я заметил, вы отпустили всех слуг, кроме охраны.

– Верно. Получив известие о вашем визите, я решил, что разговор предстоит серьёзный, и на всякий случай подстраховался, – разом прервав смех, кивнул адмирал.

– Узнаю старую школу, – с довольным видом кивнул Брекхем.

Бодигард вкатил в кабинет сервировочный столик, на котором стояли кофейник, сахарница, молочник, чашки, коробка с сигарами и графин с бренди. Подкатив его к креслам, он не говоря ни слова, развернулся и вышел, плотно прикрыв за собой дверь. Разлив кофе по чашкам, а бренди по бокалам, адмирал открыл коробку и, дождавшись, когда гость выберет сигару, плавно опустил крышку.

– А вы? – удивился лорд Брекхем.

– Увы, врачи запрещают. Возраст, будь он не ладен. Можно подумать, если я начну отказывать себе в этих маленьких радостях, ко мне вернётся молодость. Но оставим мои болячки и вернёмся к делу.

– Пожалуй, – пригубив бренди, кивнул лорд Брекхем. – Я решился побеспокоить вас вот по какому поводу. Что вы думаете о нынешнем положении Британии на мировой политической арене?

– А разве есть ещё какая-то арена? – иронично усмехнулся адмирал. – Судя по донесениям разведки, от всех некогда ведущих стран мира остались одни воспоминания. Европа в руинах, Индия и Китай превратились в одно большое кладбище, как и вся Юго-Восточная Азия. Африка и Австралия не подают признаков жизни. Япония оживает только в ночное время суток. Янки не придумали ничего лучше, чем превратить свою землю в один ядерный полигон. Забрались в подземелья и медленно превращаются в кротов. Только Британия да ещё Россия могут похвастаться почти нормальной жизнью.

– Вот именно Россия, – подхватил лорд Брекхем. – Не пора ли вернуть Британии ведущую роль в этом отсталом мире? А русского медведя загнать туда, где ему самое место. В клетку.

– Вот как?! – задумчиво протянул адмирал, откидываясь в кресле и отпивая кофе. – И в чью же многомудрую голову пришла такая идея?

– Вас что-то не устраивает? – насторожился сэр Чарльз.

– Русские всегда были опасным, непредсказуемым противником. А учитывая их территорию, воевать с ними будет очень сложно. Впрочем, как и всегда, – задумчиво ответил адмирал. – Не стоит также забывать, что численность наших и их войск несопоставима.

– Но у нас техническое преимущество, – напомнил сэр Чарльз.

– Да. Но при этом мы и понятия не имеем, как они умудрились избавиться от пришельцев. Такое впечатление, что все некогда существовавшие у нашей разведки контакты разом были уничтожены. А лезть в такую огромную страну, не имея точных разведанных, по меньшей мере недальновидно.

– Ну, численность живой силы мы вполне можем увеличить, объявив набор в армию. Заодно сильно понизим градус напряжённости среди обывателей. Им очень не нравится, что с введением военного положения все права и свободы были отменены. Работы в стране мало, а желающих жить, как прежде, слишком много. Особенно среди эмигрантов второго, третьего поколения. Ведь они считают себя истинными британцами. Обезьяны, чьи родители едва умели пользоваться ножом и вилок, – презрительно скривился лорд Брекхем.

– Вот тут вы абсолютно правы. Даже на улицах стало опасно появляться, – согласно кивнул адмирал. – У вас есть какой-то конкретный план? Или всё будет спланировано на месте?

– Мы решили сделать ставку на наш флот. «Правь, Британия, морями» это наш гимн, и родился он не на пустом месте, – гордо выпрямившись, ответил сэр Чарльз.

– Что ж, пожалуй, вы правы. Мы действительно сумели сохранить наш флот, рассредоточив его во всех возможных портах империи. Значит, настало время собрать его в один кулак и ударить этим кулаком по морде русского медведя.

– Именно, – радостно вскинулся сэр Чарльз.

– Но не стоит забывать, что медведь может ударить в ответ. Как ни крути, но русские очень сильный противник, и мы должны быть готовы к любым неожиданностям. Даже самым невероятным, – вернул его на землю адмирал.

– Что вы имеете в виду?

– Ядерный удар. От русских вполне можно ожидать подобной гадости.

– Они не рискнут нанести подобный удар по мирному населению, – покачал головой лорд Брекхем.

– А кто их за это осудит? – развёл руками адмирал. – Я уже не раз повторял и буду повторять: русские очень трудный, непредсказуемый противник.

– И в чём же их непредсказуемость? – мрачно поинтересовался сэр Чарльз.

– Прежде всего, в их странном чувстве патриотизма. Они ругают свою страну, готовы при первой же возможности покинуть её, но стоит только возникнуть опасности, как они берут в руки оружие и отправляются воевать. Никогда не мог этого понять. Либо ты любишь свою страну, либо нет. А у этих русских все не как у людей. Я даже слышал такое высказывание: Родину – люблю. Государство – ненавижу. Вот и попробуйте объяснить мне, в чём они видят разницу.

– Не знаю. На мой взгляд, это одно и то же, – подумав, покачал головой сэр Чарльз.

– Вот и я так думал, пока не столкнулся с одним русским генералом.

– И он объяснил вам разницу?

– Нет. Сказал, что для того, чтобы это понять, нужно родиться в России.

– То есть быть русским?

– Нет. Именно родиться там.

– Вы меня окончательно запутали, адмирал, – возмутился лорд Брекхем. – Вы готовы взять на себя командование объединённым флотом?

– Боюсь, такие подвиги мне уже недоступны, – помолчав, ответил адмирал. – Что это за командующий, который и шагу ступить не сможет в самый ответственный момент? Нет. Я для этого слишком стар.

– Но...

– Но это не значит, что я не могу помочь вам своими знаниями и умениями, – перебив лорда, добавил адмирал, хитро прищурившись.

– Значит, вы поддерживаете наш план по восстановлению величия Британской империи?

– Плохим я был бы патриотом, отказавшись от такой затеи, – рассмеялся адмирал.

– Тогда что вы можете предложить для увеличения наших шансов на успех?

– Объявляйте мобилизацию. В архивах нашего адмиралтейства есть пару документов, в которых указано, где находятся склады длительного хранения на случай очередной войны. Их заложили сразу после Второй мировой войны. Оружие и техника, конечно, давно уже устаревшие, но это не значит, что не действующие. В нынешней ситуации для вооружения пушечного мяса этого будет вполне достаточно. А заодно это поможет нам сохранить ресурсы. Современным оружием будем вооружать только по-настоящему боеспособные части.

– Великолепно! – воскликнул лорд Брекхем, с довольным видом потирая руки. – Это даже больше, чем я мог рассчитывать.

– Я знал, что вам это понравится, – усмехнулся в ответ адмирал. – Движение флота нужно осуществлять по Северному морскому пути. Это северная граница России, обращённая к полюсу. Места там в основном дикие. Несколько крупных городов, которые пришельцы превратили в руины, никто и не подумает восстанавливать. Так что с началом следующей весны нам нужно будет рассредоточить несколько эскадр вдоль северной границы и начать вторжение сразу в нескольких точках. Это позволит нам обеспечить прорыв к центральной части страны.

– Похоже, вы уже успели всё обдумать, – удивился сэр Чарльз.

– Эти планы прорабатывались много лет назад, ещё во времена холодной войны. Но в те времена русские не экономили на охране своих рубежей. Так что планы так и остались планами. Потом появились спутники, и про них забыли. Точнее, отложили до лучших времён. И, похоже, они настали.

– Вы считаете, что наши корабли смогут пройти по Ледовитому океану?

– А для чего тогда существуют ледоколы?

– Но топливо...

– Его вы найдёте всё на тех же складах. Дизель, но его будет вполне достаточно. А как планировали действовать вы?

– Пройти конвоем по уже знакомому пути, до Мурманска и Архангельска, и начать массированную атаку сразу с двух направлений. Рассматривались также и балтийские порты, но потом от этой мысли отказались. Плотность населения там всегда была высока, а значит, есть риск всполошить военных раньше времени.

– Правильно. Но не стоит забывать, что и Мурманск, и Архангельск это также и военные порты русских. Североморск и Северодвинск. А значит, без серьёзной драки не обойдётся. Нет. Эти места нужно пройти, не трогая. Северные границы России достаточно широкие, чтобы мы смогли организовать высадку десанта, не поднимая шума.

– Но сам процесс десантирования? Как быть с этим? Ведь для такой операции потребуется фарватер, чтобы корабли могли подойти к берегу.

– Пехоту можно переправить при помощи катеров и моторных лодок. А технику при помощи барж или своим ходом. Почти вся наша техника рассчитана на преодоление водной преграды. В любом случае забирать её оттуда никто не собирается. В этом просто нет необходимости.

– Вы исключаете отступление, адмирал? – удивился сэр Чарльз.

– А вы ещё не поняли? – усмехнулся адмирал. – Это билет в один конец. Мы либо победим и восстановим былое величие страны, либо погибнем, и тогда возвращаться будет просто некому. Вы ещё не передумали, сэр Чарльз?

– Нет. Эта экспансия необходима. В противном случае нас захлестнёт волна гражданских возмущений, что приведёт к гражданской войне. Заливать кровью улицы английских городов ни я, ни все остальные не готовы.

– Значит, пора объявлять мобилизацию. Думаю, до следующей весны мои инструктора сумеют сделать из этого стада нечто похожее на регулярные войска. И не стесняйтесь в обещаниях. Насколько я понимаю, нам нужны ресурсы и территории, а не население страны.

– Это верно.

– Значит, расскажите новобранцам, что там, за проливом, они смогут делать всё, что захотят. Иметь любых женщин, на выбор, и брать всё, что понравится.

– А вот с последним пунктом, боюсь, не все согласятся, – покачал головой лорд Брекхем.

– Вы всерьёз считаете, что в тех поселениях, что остались после бомбардировок пришельцев, у выживших найдётся что-то ценное? – рассмеялся адмирал.

– Вы правы, – растерянно кивнул лорд Брекхем. – Мы никак не можем отвыкнуть мыслить довоенными категориями.

– В том-то и беда, – вздохнул адмирал.

– Что вы хотите этим сказать? – насторожился сэр Чарльз.

– Что вы никак не можете перестроить своё мышление на нынешние реалии. Нападение пришельцев отбросило нас на уровень начала прошлого века. А самое главное, что наша молодёжь и понятия не имеет, как прожить без мобильных телефонов, Интернета, телевидения и тому подобных благ цивилизации. Это касается и молодых офицеров, избалованных спутниковым наведением, слежением в режиме реального времени и бомбардировками с беспилотников. Такое будет теперь не скоро. А таких динозавров, как я, осталось слишком мало.

– Динозавров? – удивился сэр Чарльз.

– Конечно. Покажите мне молодого солдата, способного выполнять команды, отданные не по радио, а свистком своего офицера. Именно к этому мы и пришли после нападения инопланетян.

– Не стану спорить. В военном деле вы разбираетесь намного лучше, – поджав губы, нехотя признал лорд Брекхем. – Ну, а раз мы достигли согласия, то мне, пожалуй, пора откланяться. Не буду больше докучать вам. Когда мы можем ожидать ваши наработки по плану?

– Думаю, через три дня вы получите все необходимые расчёты, вместе с приказом на расконсервацию старых складов, – подумав, ответил адмирал.

– Прекрасно. Тогда через три дня, в моём загородном поместье. Там я и представлю вам всех остальных участников нашего будущего похода, – сказал лорд Брекхем, поднимаясь из кресла.

Проводив его взглядом, адмирал несколько минут смотрел на закрывшуюся дверь и, отсалютовав ей бокалом с бренди, проворчал:

– Идея хорошая, а вот исполнители, как всегда...

* * *

Тихо прокрадываясь по коридору, Матвей старательно высматривал видеокамеры, но каждый раз его взгляд натывался на пустой кронштейн и оборванные провода. Похоже, данную тюрьму использовать по назначению начали после того, как всё действующее оборудование было демонтировано. Впрочем, что это за место, интересовало проводника в последнюю очередь. Добравшись до поворота, Матвей опустился на колени и, вытянув для равновесия одну ногу назад, осторожно выглянул из-за угла.

Коридор перегораживала стальная решётка, у которой стоял обычный канцелярский стол. Глядя на эту древность, проводнику пришла в голову мысль, что если его как следует осмотреть, то можно будет найти табличку с надписью «НКВД СССР». За столом, вытянув ноги и откинувшись на спинку стула, восседал ещё один охранник. Грызя ручку и тихо мурлыча себе под нос, вертухай старательно разгадывал кроссворд в каком-то замызганном журнале.

Втянувшись обратно, Матвей достал из-за пояса шокер и, активировав его, положил палец на кнопку разряда. Сделав пару глубоких вдохов, чтобы как следует провентилировать лёгкие, проводник медленно вышел из-за угла, стараясь ступать как можно тише. Гадальщик был так увлечён кроссвордом, что даже не заметил, как Матвей оказался рядом.

Его занудливый бубнеж заглушал тихие шаги проводника, поэтому разряд из шокера моментально привёл его в надлежащее состояние. Тихое и печальное. Быстро обыскав неподвижное тело, Матвей стал обладателем ещё одного шокера и связки ключей. Прихватив сигареты ушибленного, проводник убедился, что вся остальная мелочёвка ему не потребуется, и, отложив дубину, достал нож.

Оставлять за спиной живого врага верх идиотизма. Этот жестокий, но очень жизненный постулат старательно вбивала в него сама жизнь. А первый урок преподавал ему всё тот же капитан Миша. Резкий взмах ножом, и вертухай, дёрнувшись, затих. Клинок с тихим хрустом вошёл под ребро и пробил сердце. Спецназовцы сделали всё, чтобы оказавшийся рядом с ними волею судьбы и начальства проводник стал почти настоящим профи в бою.

Почти, потому что, несмотря на все старания, Матвею не хватало опыта и тренировок. Это осознавал и сам проводник, поэтому старался сделать всё, чтобы не быть им постоянной обузой. И вот теперь, в который уже раз поминая добрым словом погибших друзей, он тихо крался по коридору, старательно прислушиваясь к каждому шороху. Убитый охранник был затащен за угол, а решётка заперта.

Ключ от неё Матвей отделил от связки и положил отдельно. Добравшись до очередного поворота, он снова выглянул из-за угла и, увидев «аквариум», в котором сидели трое охранников, мрачно покачал головой. Бросаться на прорыв, пытаясь прострелить стекло, было опасно. Он вполне допускал, что данная конструкция может быть сделана из пуленепробиваемого стекла. А это значит, что все затраченные усилия разом будут сведены к нулю.

Оставалось только ждать. Ждать, когда кто-то из вертухаев вылезет из «аквариума», и попытаться взять их поодиночке. Прошло не менее получаса, когда один из охранников, отсмеявшись над чем-то, поднялся и, сказав что-то напарникам, вышел в коридор. Подобравшись, Матвей так сжал рукоять шокера, что заскрипела обтягивающая его резина. Охранник шёл прямо на проводника. Не понимая, куда он направляется, Матвей судорожно оглянулся и только теперь заметил узкую дверь.

Бесшумно подскочив к ней, проводник заглянул вовнутрь и не поверил своей удаче. Это был туалет. Первое помещение, раковина и сушилка для рук, второе, сортир на два посадочных места. Проскользнув в дальнюю кабинку, Матвей приготовил шокер и замер, прислушиваясь к шагам охранника. Тот вошёл, что-то весело насвистывая, но, неожиданно остановившись, выругался:

– Вадька, козёл. Сколько раз говорил, двери плотно закрывай.

Потом, толкнув дверь в соседнюю кабинку, вжикнул молнией брюк. Лучшего момента было не найти. Выскользнув из своей засады, Матвей в два шага обошёл открытую дверь и пустил в ход шокер. Переместив покойника в дальнюю кабинку, проводник с удовольствием подкинул на ладони трофейный «Грач». Десятимиллиметровый МР-443 с запасной обоймой увеличил его огневую мощь сразу на тридцать четыре выстрела.

В опытных руках это было много. А с учётом ещё шестнадцати патронов к ПММ, можно было воевать. Свои руки Матвей по праву мог назвать опытными, поэтому, повесив кобуру «Грача» на пояс, проводник осторожно выглянул в коридор и бесшумно вернулся на место своего наблюдения. Рано или поздно кто-то из оставшихся охранников вспомнит, что один из них отсутствует. А вспомнив, отправится искать. Значит, нужно просто набраться терпения. Хотя, если вспомнить, что проводник ничего не знал о порядке смены постов, вся затея могла оборваться в один момент.

Но проводнику снова повезло. Очередной вертухай, высунувшись из «аквариума», несколько раз окликнул напарника по имени и, выругавшись, нехотя поплёлся в сторону туалета. Быстро отступив в туалет, Матвей плотно прикрыл входную дверь и, встав за второй между сортиром и умывальником, приготовил шокер. Охранник, войдя в умывальник, рывком распахнул вторую дверь и с ходу затрясся от разряда тока.

Треск шокера гулко отдавался от стен туалета, но Матвей уже не пытался скрываться. Быстрый удар ножом, очередной пистолет с запасной обоймой в карман, и проводник снова замер у поворота. Оставшийся в «аквариуме» охранник развернулся спиной к коридору, выискивая что-то в узком шкафчике. Воспользовавшись моментом, Матвей пробежал по коридору и, присев на корточки, начал медленно подбираться к двери поста.

Присев под дверью, Матвей осторожно потянул за ручку, но дверь был заперта. Сменив шокер, проводник тихо постучал по обшивке поста. Стекло начиналось от высоты пояса человека среднего роста. Ниже была обшивка из пластика, под которым явно было что-то более прочное. Возня за стеклом стихла. Прижавшись к обшивке, Матвей постучал ещё раз.

– Эй, шутник. Клавишу приложи, если войти хочешь, – раздалось из «аквариума».

Вспомнив, что действительно видел на связке клавишу, вроде той, что когда-то были на дверях парадных, проводник мысленно проклял свою глупость и с силой замолотил по обшивке.

– Да в чём дело-то? – послышался возмущённый вопль, и на полу мелькнул неясный силуэт.

Охранник явно пытался рассмотреть того, кто прячется под стеной. Вспомнив, что его форма ничем не отличается от тех, что носили сами охранники, Матвей вытянул ногу, и несколько раз бессильно дёрнул ею, продолжая стучать в обшивку. Уловка сработала. Выругавшись, охранник быстро подскочил к двери и, распахнув её, выскочил в коридор. Треск шокера и болезненный стон вертухая прозвучали для проводника приятнее музыки.

Затащив труп в «аквариум», Матвей сунул в карман очередной трофей и, заметив на стене план пожарной эвакуации, недолго думая, прихватил и его. Он и сам не понимал, зачем ему столько железа, но вбитые спецназовцами навыки не давали ему поступить иначе. Бросать серьёзное оружие без присмотра нельзя. Так что Матвей сам себе сейчас напоминал ходячий арсенал.

Внимательно изучив план помещения, проводник только головой покачал. Это был большой комплекс помещений, связанных между собой длинными коридорами. Благо всё находилось на одном уровне. Бродить здесь можно было долго, так что Матвей решил действовать методом исключения. Отбросив тюрьму и подсобные помещения, типа бойлерной и туалетов, он решил отправиться в крупные помещения.

Выдрав план из рамки, он сунул его в нагрудный карман и, выбравшись в коридор, зашагал в нужном направлении. То и дело Матвей пытался мысленно позвать Роя, но ответа не было. Только иногда на него накатывали волны тупой, ноющей боли. Это означало, что с собакой что-то делают. Что-то такое, что доставляет ему неприятные ощущения. Но ещё это означало, что Рой всё ещё жив. А это было самым главным.

Выглянув из-за очередного угла, проводник увидел охранника, дремлющего под большой, сразу видно, очень прочной дверью, в которой был проделан маленький иллюминатор. Убрав шокер за спину, проводник опустил голову и, выйдя из-за угла, направился прямо к охраннику, с крайне озабоченным видом. При этом ноги он старался ставить так, чтобы шаги были не слышны. Задремавший охранник опомнился, только когда тяжёлая дубина ударила его по виску.

Уже зная, что за спиной нет никого живого, Матвей не стал церемониться. Быстро обезоружив и связав парня, он несколькими оплеухами привёл его в чувство и, прижав шокер к горлу, сказал:

– Вакнешь громче, чем шёпотом, получишь такой разряд, что мозги вскипят. Что за дверью?

– Жилой отсек, – прохрипел пленник, которому шокер едва не ломал гортань.

– Там есть кто-то?

– Рота охраны отсыпается.

– А почему дверь сейфовая?

– Раньше там склад был, потом в жилой отсек переделали.

– Сколько всего охранников?

– Почти две роты. Остальные на постах.

– Чем вооружены?

– Пистолетами. В этих переходах с автоматом не развернуться.

– Из отсека можно выбраться другим путём?

– Да. На противоположной стороне ещё один выход.

– Жаль. А где оружейка?

– По коридору, направо. Там ещё один охранник. Ключи у него. А чего тебе вдруг их жаль стало? – набравшись смелости, спросил пленник.

– Был бы один выход, могли бы и дальше жить, – хищно усмехнулся Матвей, нажимая на кнопку разряда.

Далее последовал очередной удар ножом, а труп отправился за поворот. Вернувшись, проводник внимательно осмотрел дверь и, задумчиво почесав в затылке, загнал дубину шокера

под рычаг крамольера. Выходить с кучей пистолетов против роты хорошо вооружённых людей он не собирался. Поэтому, заклинив оба рычага, проводник отправился к оружейной комнате.

Как оказалось, какой-то умник додумался устроить оружейку в тупиковом коридоре. Заметив сидящего за столом охранника с повязкой на рукаве, Матвей отметил про себя ещё одно ответвление коридора и, не придумав ничего лучше, вытащив нож, ринулся на дежурного. Привычка бесшумно двигаться в поиске снова спасла его. Листавший какой-то журнал охранник, услышав странный топот, поднял голову и от удивления открыл рот.

На него, оскалившись, словно атакующий зверь, нёсся встрёпанный седой мужик с синяками на лице и кровью на губах. Разбитые губы проводника кровоточили, но Матвей не обращал на это внимания. И вот теперь эта небрежность сыграла ему на руку. Пока охранник соображал, что это за упырь и откуда он взялся, проводник успел добежать до медленно поднимавшегося дежурного и с ходу вогнал ему нож в горло.

Удерживая противника за шиворот, он вырвал нож из раны и ударил ещё раз. На этот раз в грудь, стараясь добраться до сердца. Негромко стукнул отодвинутый стул, и всё стихло. Выхватив из кармана убитого ключи и вытащив из кобуры оружие, Матвей прислонился к стене, пытаясь унять адреналиновую дрожь. Он в очередной раз рискнул – и победил. Понимая, что это не может продолжаться бесконечно, Матвей усилием воли взял себя в руки и принялся осматривать дверь.

Помня ещё по срочной службе, что подобные помещения всегда оснащались хотя бы примитивной, но сигнализацией, он осматривал сантиметр за сантиметром косяк и саму дверь, боясь упустить что-то важное. Но как ни странно, перед ним была стандартная железная дверь, снабжённая навесным и врезным замками. Удивлённо почесав в затылке, Матвей снял навесной замок и, отперев врезной, вытащил ключ.

Набрав полную грудь воздуха, словно перед прыжком в воду, он рывком распахнул дверь, готовясь услышать вой сирены. Но дверь, чуть скрипнув, открылась, а сигнала всё не было. Быстро осмотревшись и убедившись, что попал туда, куда надо, проводник снова вышел в коридор и, подняв труп, посадил его на стул. Развернув тело так, чтобы идущему из коридора на первый взгляд показалось, что охранник просто повернулся к нему спиной, проводник вошёл в оружейку, прикрыв за собой дверь.

Только теперь Матвей понял, почему рядом с оружейной комнатой был установлен пост охраны. Тянуть скрытую проводку в отличном бетоне, из которого был построен бункер, новым хозяевам было просто лень или не нужно. А делать наружную проводку не имело смысла. К тому же проникновение на объект посторонних было практически невозможно. Наверняка у входа сидела серьёзно вооружённая охрана, а система допуска была продумана от и до.

Быстро найдя ящики с гранатами, Матвей принялся ввинчивать в них запалы. Его внимание привлёк большой деревянный ящик, крышка которого была чуть приоткрыта. Откинув её, проводник не удержался и, тихо присвистнув, проворчал:

– Это просто праздник какой-то!

Ящик был битком набит старыми ременно-плечевыми системами и разными подсумками. Выбрав из кучи самую приличную РПС, Матвей быстро нацепил на неё подсумки, которые тут же принялся набивать гранатами и боеприпасами. Взяв из стойки сто третий «калаш», проводник вставил магазин и, передёрнув затвор, мимоходом пожалел, что в ящике не оказалось изоленды. Сматывать магазины попарно.

Усмехнувшись собственным мыслям, проводник снял распотрошенный ящик и, убрав его в угол, вскрыл ещё один. Ввинтив в гранаты все запалы, он взял одну гранату и, выдернув из неё чеку, сунул её под ящик, с таким расчётом, чтобы любое движение сместило груз, высвободив рычаг. Два десятка гранат Ф-1 это почти небольшая авиационная бомба, а если учесть, что в штабеле таких ящиков было пять, фейерверк должен был получиться впечатляющий.

Выйдя в коридор, Матвей затащил тело охранника в оружейку и, навесив замок, сломал ключ в замочной скважине. Вернувшись к двери в жилой отсек, Матвей осторожно заглянул в иллюминатор и, рассмотрев место будущего действия, зло усмехнулся. Длинное помещение было превращено в обычную казарму. Как оказалось, местная рота была не полного состава. По общим прикидкам, в казарме стояло приблизительно шестьдесят обычных коек.

Устраивать двухъярусный аттракцион новые обитатели бункера не стали. Матвей взялся было за дубинки, чтобы освободить крамольеры, но, подумав, остановился. В казарме явно находились не все охранники. Так что устраивать громкое побоище раньше времени было глупо. Вместо этого он сунул под дубинки по гранате с вытященной чекой и, пару секунд полюбовавшись делом своих рук, свернул в боковой коридор. Прежде чем громко объявлять о своём освобождении, нужно было избавиться от всей дежурной смены охраны.

* * *

Очередное утро для генерала Лоскутова началось с очередных неожиданностей. Едва он успел переступить порог своей штабной палатки, как на пороге появилась, Дана и, попросту отпихнув пытавшегося удержать её адъютанта, со слезами в голосе спросила:

– Где Матвей? Куда ты его отправил?

– Никого я никуда не отправлял. Ты чего как с цепи сорвалась? – растерянно ответил Лоскутов, делая прапорщику знак оставить их одних. – Когда ты его в последний раз видела?

– Вчера. Здесь. Перед твоей палаткой. Он сказал, что после разговора с тобой заглянет в госпиталь, и не пришёл. Я подумала, что это из-за этих подонков, а потом закрутилась с ранеными. А утром пошла в его дом, а там заперто. Где он?

– Вчера я отправил его собирать вещи. Думал в командировку отправить, пока здесь всё уляжется. Так. Присядь пока, – ответил генерал и, развернувшись, стремительно вышел из палатки.

Дана, которая и не собиралась выполнять указание, выскочила следом за ним и успела увидеть только, как посыльный по штабу куда-то умчался на своём мотоцикле. Вскоре у штаба стояли сменившийся дежурный по КПП и два каких-то бойца. Присмотревшись к ним, девушка вдруг поняла, что эти серые, неприметные личности в мятом камуфляже пара профессиональных топтунов. Наружка, мастерски умеющая отслеживать людей.

– Докладывайте, – коротко приказал Лоскутов топтунам.

– Половина группы и почти вся охрана уехали ещё вчера. Оставшиеся трижды собирались встретиться с вами, но так и не смогли договориться между собой. С ними осталось только пять человек. Капитан тоже уехал.

– Когда это было? Когда они уехали? – быстро спросил генерал.

– Через три часа после того, как мы начали работать, – последовал быстрый ответ.

– Теперь ты, – повернулся Лоскутов к старшему лейтенанту, стоявшему дежурным по КПП. – Во сколько ушла машина с гостями?

– В тринадцать сорок семь их «Тигр» и «Урал» пересекли КПП и двинулись в сторону центра, – бодро доложил офицер.

– А Матвей Беркутов во сколько базу покинул?

– В тринадцать тридцать. Вышел вместе с собакой и пошёл в сторону деревни.

– Семнадцать минут разницы. Шёл быстро?

– Никак нет. Не торопясь. Задумчивый какой-то был. Обычно шутит и поговорить задерживается, а тут кивнул, удачи пожелал и пошёл, – подумав, ответил старлей.

– Поворот в деревню в двадцати минутах ходьбы. Он не торопился, а эти ехали на машинах. Вполне могли догнать, – задумчиво проговорил Лоскутов. – Но без драки эта парочка бы

не сдалась. А выстрелов и тому подобных безобразий никто не слышал. Так? – повернулся он к офицеру.

– Так точно. Дежурство прошло без происшествий, – бодро доложил тот.

– Это хорошо, – всё так же задумчиво протянул Лоскутов. – Свободен. Отдыхай.

Дождавшись, когда старлей уйдёт, он повернулся к топтунам и, помолчав, спросил:

– Есть что-нибудь, что показалось странным? Из области чуйки и мистики тоже можно.

– Собрались уж больно быстро, – подумав, ответил один из офицеров. – Такое впечатление, что их кто-то или что-то подгоняло. А главное, вся их охрана не рядом с ними была, а по базе болталась. Так что вполне можно допустить, что они что-то вынюхали такое, отчего решили срочно разделиться.

– Возможно. Очень возможно. Но почему не было стрельбы?

– Фактор неожиданности, – предположил второй топтун.

– Исключено. С кем-то другим – да. Но не с этой парой, – категорически отрезал генерал.

– А что он, не человек? Или собака его отвлеклась не может? – не понял офицер.

– Может. Но тут всё дело в восприятии, – уклонился от прямого ответа Лоскутов, вспомнив, что эти двое ничего не знают о проекте, кроме слухов и легенд. – Иногда мне и самому кажется, что эта парочка умеет неприятности заранее чувствовать. Как старая рана погоду.

– И на старуху бывает проруха, – пожал плечами топтун.

– Не в этот раз, – вздохнул генерал. – Ничего не понимаю. Отсюда ушёл, домой не пришёл, стрельбы не было, а сам словно сквозь землю провалился. Бред какой-то.

– Нет никакого бреда. Нужно этих сволочей трясти, – не выдержав, зашипела Дана, пытаясь расстегнуть кобуру.

– Уймись, Данка. Что ты им предъявишь?

– А я и не собираюсь ничего предъявлять. Каждому колено прострелю, сами заговорят. А не заговорят, начну яйца отстреливать, – заводясь всё больше, ответила девушка, размахивая пистолетом.

– Я сказал: уймись и убери оружие, – рыкнул в ответ генерал, продолжая обдумывать ситуацию.

– Что ты собираешься делать? – подступила к нему Дана.

– Отправляйся в деревню и привези сюда Настю с её собакой, – отобрав у дочери оружие, приказал Лоскутов и, засовывая его в её кобуру, добавил: – Это сестра Роя, и тоже умеет говорить. Не так хорошо, как Рой, но Настя её понимает. Попробуем пройти по следу.

Кивнув, Дана развернулась и, подбежав к посыльной машине, резко распахнула дверцу. Водитель, видевший её с генералом, молча запустил двигатель, и ухоженный УАЗ рванул с места. Вернувшись в палатку, Лоскутов приказал поднять отделение тревожной группы. Вскоре пять автоматчиков стояли у входа в штабную палатку.

Вскоре машина вернулась, и на площадку перед палаткой выскочила Дана. С заднего сиденья вылезла Настя и, быстро оббежав машину, помогла спуститься крупной суке-ротвейлеру, сильно хромавшей на заднюю левую лапу. Оглядевшись, Настя с улыбкой кивнула генералу и, хлопнув себя ладонью по бедру, не спеша направилась к палатке. Поздоровавшись с девушкой, генерал с интересом посмотрел на собаку и тихо спросил:

– Она меня слышит?

– Да, отчётливо, – кивнула Настя, положив ладонь на голову собаке.

– Твой брат, Рой, и его проводник пропали. Они вышли из этой палатки и пошли в деревню. Но домой они не пришли. Ты сможешь пройти по их следу? – всё так же тихо спросил генерал, обращаясь напрямую к псине.

Вместо ответа сука поднялась на лапы и, войдя в палатку, принялась старательно принюхиваться. Наблюдая за ней, Лоскутов неожиданно понял, что сука движется точно по следу своего брата. Выйдя из палатки, она быстро обнюхала кусты, которые пометил Рой, и уверенно

двинулась в сторону КПП. Сделав автоматчикам знак двигаться следом, генерал поспешил за собакой.

Рагда уверенно держала суточный след, ведя проводника и прикрытие словно по ниточке. Выскочив за КПП, она несколько раз сворачивала в кусты, но каждый раз возвращалась на дорогу. Даже не умеющий обращаться с собаками генерал понял, что Рой просто двигался следом за Матвеем, при этом постоянно выдерживая определённое расстояние между ним и проводником. Не доходя до поворота в деревню, сука вдруг остановилась и принялась крутиться на месте, то и дело тихо поскуливая.

– Что с ней? – спросил Лоскутов у Насти.

Присев перед собакой, девушка сжала ладошками её голову и, заглянув в глаза, замерла.

– Она говорит, что в этом месте Рой, и его человек упали. Была машина, и много одинаково одетых людей. Они что-то сделали, и след оборвался. Потом машина уехала.

– Осмотреть всё. Ищите следы, окурки, обрывки ниток, шерсть. Всё, что может указать на похитителя, – зарычал генерал, всматриваясь в обочину уже начавшей разваливаться дороги.

Автоматчики разбежались в разные стороны и принялись выискивать следы в радиусе тридцати метров от точки, где остановилась Рагда. Настя тяжело вздохнула и, отпустив собаку, выпрямилась. Сука легла на землю и, вытянув задние лапы, еле слышно заскулила.

– Что это с ней? – повернулся к Насте генерал.

– Ей тяжело долго ходить. После ранения она так толком и не оправилась.

– Она рожала? – вдруг спросил Лоскутов, поглядывая на дочь.

– Однажды. Думаю, через год ещё раз свести её, и хватит. Не с её здоровьем племя подерживать, – категорично отрезала девушка.

– Ну и правильно, – задумчиво кивнул генерал. – А куда щенков дели?

– Их всего два было, – пожал плечами Настя. – Обоих в СКС, на границу забрали.

– Когда появятся щенки, сообщите мне, пожалуйста. Я одного заберу, – попросил генерал.

– Себе? – удивилась Настя.

– А что в этом такого удивительного? – не понял Лоскутов.

– Порода сложная.

– Знаю. Но, надеюсь, вы и наш общий друг Матвей поможете мне.

– Зачем вам это? Своих проблем мало?

– Проблем хватает. А вот близкой души нет, – вздохнул генерал и, оглянувшись на автоматчиков, громко скомандовал: – Общий сбор. Хватит носами землю утюжить.

Когда отделение построилось, Лоскутов мрачно оглядел каждого и, сплюнув, проворчал:

– Можно не спрашивать. Пусто.

– Так точно, – коротко кивнул командир отделения. – Чисто взяли.

– Вот это меня и бесит. Не могли их чисто взять. Не могли, – по складам повторил Лоскутов.

– Папа! – раздалось из кустов, и вся группа, моментально развернувшись, кинулась на голос.

Подбежавший к дочери генерал первым увидел то, на что она указывала поднятой вверх рукой. Над головой девушки, в двух с половиной метрах над землёй, из древесного ствола торчало оперение стрелки. Такие применялись для стрельбы из духового оружия. Два бойца, мигом составив пирамиду, подняли третьего и тот, выдернув стрелку, прыгнул на землю.

– Вот теперь всё становится на свои места, – кивнул Лоскутов, забирая у него стрелку. – Отдадим в лабораторию, но и так понятно, что это транквилизатор. Стреляли из машины, на ходу. И, похоже, кто-то промахнулся.

– Они что, залпом палили? В каждой из такой штук препарата хватит, чтобы слона усыпить, – возмутилась Настя.

– Это если использовать разрешённую, гражданскую химию. А если что-то из спецоборудования, то вполне могли зарядить половинными дозами, а потом добавить, – мрачно вздохнул генерал. – Главное, быстро обездвигить.

– Выходит, всё-таки учёные? – тихо спросила Дана, с ненавистью сжимая кулаки.

– Не знаю. После анализа будет хоть что-то понятно.

– Что тебе будет понятно? – шипя от ярости, спросила девушка.

– Допуск к спецоборудованию имеют только учёные нашего ведомства. Если там эта гадость, мне будет что им предъявить.

– А если нет? А если они специально воспользовались обычной химией? Что тогда?

– Дана, не дави на психику, – рыкнул в ответ генерал.

– Не буду. Я сейчас вернусь и устрою этим мерзавцам такое, что они сами мне Матвея сюда привезут, – пообещала девушка и, развернувшись, бегом понеслась в сторону базы.

– Вы двое, за ней. Любым способом удержите от стрельбы, – приказал Лоскутов, тыча пальцем в двух ближайших бойцов.

Убедившись, что его поняли правильно, он оглянулся на Настю и, чуть скривившись, добавил:

– Вы двое, девушку и собаку доставить на базу в целости, головами отвечаете. Ты, со мной. Рысью. – И развернувшись, побежал в сторону базы.

Канцелярская работа не улучшает физическое состояние, но Лоскутов прибежал на базу вовремя. Бледная от ярости Дана трясла за грудки дежурного по КПП, требуя сообщить, куда поселили приезжих гостей. С трудом оторвав дочь от растерянного офицера, генерал оттащил девушку в сторону и, как следует встряхнув, негромко сказал:

– Уймись, девочка. Силой тут ничего не добьёшься. Тут думать надо.

– Да? А пока ты думать будешь, они там на них опыты ставят, – фыркнула Дана, пытаясь вырваться из отцовской хватки.

– Мы не бандиты, Дана. Поэтому делать надо всё по правилам, чтобы не оказаться стоящими у стенки по законам военного времени.

– А для них, значит, законы не писаны.

– Он вернётся, – неожиданно сказал Лоскутов.

– Откуда ты...

– Знаю. Не только твой Матвей умеет мысли читать. Иногда чутьё битого зверя значит не меньше, чем все научные достижения.

– Если он не вернётся, я... я не знаю, что сделаю, – всхлипнула девушка.

– Я же сказал, вернётся. Этот псих артиллерийский огонь на себя вызывал и жив остался. Так что вернётся, – ответил генерал со странной уверенностью в голосе.

– Почему ты так уверен? – не поняла Дана.

– Однажды он сказал мне: пока мы с Роем вместе, нам сам чёрт не страшен. И знаешь, со временем я убедился, что это действительно так. Пока они вместе, их никто не одолеет.

– А я? – вдруг спросила девушка.

– А тебе придётся это принять или не принять. Решать только тебе, – вздохнул генерал.

– Значит, нас всегда будет трое?

– Можно сказать и так, – кивнул Лоскутов. – Пошли в штаб. Кофейку попьем, успокоимся, а заодно подождём результатов анализа нашей находки.

Всхлипнув, Дана кивнула и покорно поплелась следом за отцом. Они добрались до палатки и успели выпить по две чашки кофе, когда из лаборатории принесли материалы по результатам анализа. Внимательно прочтя заключение, Лоскутов поднялся и, вызвав адъютанта, приказал привести к нему оставшихся на базе учёных.

– Всё-таки они? – мрачно спросила Дана, хватая со стола бумаги.

– Спецпрепарат. Но потрясти их стоит, – угрюмо кивнул генерал.

– Я их на клочки рвать буду, а не трясти, – пообещала девушка, порываясь выскочить из палатки.

– Держи себя в руках. Я прикажу задержать их, до выяснения обстоятельств.

– И что нам это даст?

– Это же учёные. Объект у них в руках, а они не могут его обследовать. Значит, кто-то, успевший раньше, пожнёт все лавры, а эти так и останутся с носом, – жёстко усмехнулся генерал, играя желваками на скулах.

– А может, просто поехать туда и забрать их? – спросила Дана.

– Куда туда? Знаешь, сколько таких объектов раскидано по этим лесам? Большая часть была законсервирована, но запустить любой из них не сложно. Было бы желание.

– Ты же сказал, что они из центра, – растерялась Дана.

– Это приказ пришёл из центра, а приехать они могли откуда угодно, – скривился Лоскутов. – Бомбоубежища на случай ядерной войны у любого крупного города найти можно, ещё со времён холодной войны. А искать их будешь до ищачьей пасхи. С учётом их полной автономности, дело это становится вообще безнадёжным. К тому же всю эту братию проводят под грифом. Так что спрашивать, бесполезно.

– И что делать?

– Думать.

Их разговор прервал ворвавшийся в палатку адъютант. Остановившись у стола, он растерянно развёл руками, коротко, сообщив:

– Уехали.

– Как уехали? Когда?

– Пока проводника из деревни ждали. Собрались и уехали.

– Твою ж мать! Два часа форы, – зарычал генерал, грохнув кулаком по столу.

* * *

В очередной раз сверившись с планом эвакуации, Матвей пришёл к выводу, что новые хозяева попытались перестроить бункер под свои нужды. Там, где по плану должен был быть коридор, оказался тупик, а большая комната, обозначенная на плане, оказалась разделённой на несколько клетушек. Задумчиво повертев в руках бумагу, проводник сунул её в нагрудный карман, решив начать зачистку с выхода.

Именно там, согласно обычной логике и правилам, должна находиться самая большая по численности охрана с оружием. Все остальные были просто контролёрами, которых выставляли для общего порядка. Что называется, для собственного успокоения. Придя к таким выводам, Матвей взял автомат наизготовку и быстро заскользил по коридору, держась у самой стены.

Пока ему несусветно везло. Везло так, что Матвей и сам не мог поверить в свою удачу. А мысль о том, что при поимке его не обыскали, так вообще не давала ему покоя. В своей бурной и частенько бестолковой жизни он повидал всякое, но такой некомпетентности и небрежения правилами даже ему видеть не приходилось. И именно эта мысль постоянно свербела в его мозгу.

Пробираясь в сторону выхода, Матвей старательно всматривался в каждый коридор, прикидывая, стоит ли тратить время на уборку мусора. Он уже заметил, что в середине каждого коридора почти всегда сидело по одному охраннику. Но каждый из них занимался чем угодно, только не охраной. Сообразив, что устав караульной службы здесь и в глаза не видели, проводник презрительно кривился и, проскакивая очередную развилку, шёл дальше.

Добравшись до того места, что на плане было обозначено как выход, Матвей осторожно выглянул из-за угла и, увидев серьёзно оборудованное КПП, удовлетворённо кивнул.

Добрался. Теперь нужно было обезвредить охрану так, чтобы не всполошить весь этот гадюшник. Но как это сделать? Стрельба в коридоре разнесётся по всему бункеру не хуже воя сирены. Достав план, он снова погрузился в размышления.

Внезапно его внимание привлекла надпись «парковка». Присмотревшись, Матвей понял, что на стоянку можно было попасть, обойдя КПП по соседнему коридору. Придётся снять охранника в коридоре, но это был реальный шанс избежать большой стрельбы. Матвей умел реально оценивать свои силы и понимал, что избитый и полуголодный, не сможет долго противостоять куче обалдевших от безделья охранников, которые с удовольствием устроят из схватки с ним настоящее сафари.

Бегать по коридорам от такой кучи народа долго ему не дадут. Загонят в угол и головы не дадут поднять плотным огнём. А вот так, поодиночке, у него есть реальная возможность увеличить собственные шансы выжить. Вернувшись к предыдущему перекрёстку, Матвей как мог исправил несоответствия в собственной одежде и, держа нож обратным хватом, решительно вышел из-за угла. Опустив голову, проводник шёл походкой сильно уставшего и очень задумавшегося человека.

Автомат он повесил на грудь, положив на него обе руки. Таким образом, на первый взгляд, это была вполне безопасная поза. Оружие на виду, поставлено на предохранитель. Руки видно, а сам человек, явно уставший и чем-то озадаченный. Увидевший проводника охранник повернулся к нему всем телом и, удивлённо рассматривая человека, спросил:

– Эй, ты откуда такой замызганный? Крест на полосу загнал, что ли?

– Угу, – коротко кивнул Матвей, усилием воли сдерживаясь, чтобы не прибавить шагу.

– Где это ты умудрился так влететь? – не унимался охранник, который явно изнывал от скуки.

– Уметь надо, – хрипло ответил Матвей, делая вид, что закашлялся.

До болтливости охранника оставалось шагов пять, когда он вдруг начал понимать, что не узнаёт подходящего.

– Ты кто? Подними голову, – потребовал он, выходя из-за стола и пытаясь достать дубинку.

Вместо ответа Матвей ринулся вперёд и, недолго думая, ударил противника автоматом в лицо. Охнув, охранник, забыв про дубинку, схватился за лицо. Бросив автомат, проводник перехватил нож и с силой вогнал его под лопатку противнику. Такой удар пробивает лёгкое, напрочь отбивая у человека желание поднимать крик. Вырвав нож, Матвей, снова перехватив его обратным хватом, ударил в шею, с таким расчетом, чтобы перерезать гортань.

Оставив нож в ране, он ухватил умирающего охранника за руки и потащил за собой. Оставлять убитого рядом с КПП было глупо. Человек, покинувший пост, это одно, а труп на месте – другое, как говорили в Одессе, это две большие разницы. Добравшись до железной двери, на которой красовались масляные пятна, Матвей бросил труп и принялся осматривать замок. Как выяснилось, никаких серьёзных запоров здесь не было.

Очевидно, это был проход для механиков, обслуживавших транспорт. Поэтому дверь закрывалась на обычную щеколду и навесной замок, который открыть сумел бы даже безрукий инвалид. Поковырявшись в замке пару минут булавкой, проводник только презрительно хмыкнул, когда в ответ на это действие замок послушно щёлкнул, открывшись.

– Бункер непуганых идиотов, – тихо проворчал проводник, затаскивая труп в гараж и убирая его в угол.

Оглядевшись, Матвей заметил две камеры, направленные на стоящие перед широкими воротами машины. Два «Тигра» и бортовой «Урал». Двигаясь вдоль дальней от ворот стены и стараясь не попасть в зону действия камер, проводник подобрался ко второй двери и, приложившись к ней ухом, прислушался. На КПП о чём-то негромко говорили. Убедившись, что всё складывается, как нужно, Матвей оглянулся на труп и, жёстко усмехнувшись, огляделся.

У стены, недалеко от того места, где он бросил тело, стоял небольшой верстак с тисками и железный шкаф, явно для хранения инструментов. Перетащив тело ближе к дверям и выдернув из раны нож, Матвей заглянул под верстак и, убедившись, что поместится там без проблем, осторожно выдвинул ящик. Взяв несколько рожковых ключей, он забрался под верстак и, примерившись, швырнул ключ в дверь.

Увесистая железка, ударившись в дверь, громко зазвенела, упав на бетонный пол. Едва слышные за дверь разговоры разом стихли. Чуть усмехнувшись, Матвей бросил второй ключ. Следом полетел третий. За дверью загремели ключи, и дверь распахнулась. Увидев охранника, плавающего в луже собственной крови, открывший дверь растерянно охнул и, забыв про оружие, кинулся к телу. Следом за ним на стоянку вбежали ещё четверо охранников.

Наблюдая за этим стадом, Матвей не смог сдержать презрительной усмешки. Только один из бойцов, перехватив автомат, принялся оглядываться, подозрительно глядя на закрытые ворота стоянки. Матвей поднял автомат, и самый прыткий умер первым. Две короткие очереди, крест-накрест пересекли сгрудившихся возле тела охранников, и охраны КПП не стало. Подскочив к двери, проводник убедился, что тревогу поднимать некому, и, прикрыв дверь, провёл контроль.

Теперь нужно было подготовить всё к ускоренному отходу. Войдя в дежурку, проводник быстро перерезал все провода, попавшиеся ему на глаза, и, подумав, сунул очередную гранату под механизм открывания входной двери. Теперь любая попытка открыть дверь, не осмотрев предварительно механизм, должна была привести к серьёзным проблемам.

Вернувшись на стоянку, Матвей заблокировал дверь, ведущую к центральному выходу, и принялся осматривать машины. Больше всего ему приглянулся «Тигр» с маленькой башенкой на крыше, из которой торчал ствол «печенег». Осмотрев этот явный самодел, проводник задумчиво хмыкнул и забрался в машину. Обитатели бункера были настолько самонадеянны, что вопреки всем правилам оставляли ключи в замках зажигания. В этом Матвей убедился, осмотрев все машины.

Проверив уровень топлива, проводник осмотрел ворота и, найдя механизм открывания, задумчиво посмотрел на кабели, подходившие к электромоторам. По логике, вместе с автоматикой, механикой и всей остальной кибениматикой здесь должен быть и способ ручного открывания. Бегать со стоянки на КПП и обратно он не собирался. Значит, нужно было сделать так, чтобы можно было выехать самому, но при этом задержать погоню.

Вскоре за створкой Матвей нашёл какой-то редуктор, а рядом с ним ручку, похожую на ручку от мясорубки.

Приладив её к редуктору, проводник принялся вертеть ручку, радостно улыбаясь. Ворота начали открываться. Распахнув створки, Матвей уселся за руль выбранного «Тигра» и, запустив двигатель, выгнал машину на пандус. Снаружи была глубокая ночь. Вернувшись на стоянку, он принялся снова крутить ручку, закрывая ворота. Оставив между створками расстояние, в которое мог пройти человек, он снял ручку и, подумав, сунул её в свою машину.

Итак, пути отхода подготовлены. Теперь нужно было найти и освободить Роя, после чего устроить звучный тарарам и со спокойной душой оправиться домой. Достав план, Матвей принялся раздумывать, где могли держать Роя. Но не стоило забывать и про кучу охранников. Любое неосторожное движение могло стоить жизни самому Матвею. А это значит, что Рой так и останется в руках этих чокнутых вивисекторов. Этого Матвей допустить не мог.

Собрав с убитых все боеприпасы, проводник сложил в найденную на стоянке старую медицинскую сумку все рожки, сунул туда же обоймы к пистолетам, а всё остальное оружие отнёс в машину. Он и сам не мог объяснить, зачем это сделал, но бросать оружие, которым мог воспользоваться противник, было глупо, а приводить его в негодность рука не поднималась.

Вернувшись на парковку, Матвей быстро провёл инвентаризацию и, вздохнув, тихо протянул:

– Ещё бы хоть одного напарника, чтобы спину прикрыл, и можно воевать.

В его арсенале было восемнадцать полных автоматных рожков, два трофейных пистолета и двадцать две обоймы к ним. Нож и два десятка гранат Ф-1. С таким арсеналом, действительно, можно было воевать. Итак, теперь Матвею предстояло решить, с чего начинать. С поголовного уничтожения охраны или с тихого поиска пса? Подумав, проводник решил начать с охраны. Матвей вполне допускал, что собаку продолжают держать на транквилизаторах, чтобы избежать проблем, а значит, найдя его, Матвею придётся нести пса на руках.

Воевать с беспомощной собакой на руках было невозможно. Выходит, нужно было сделать так, чтобы некому было выстрелить в спину. Приняв решение, он взял автомат наизготовку и выбрался в коридор бункера через запасную дверь. Вспомнив, что в жилом отсеке есть вторая дверь, через которую как минимум три десятка озверелых солдат могут вырваться в коридоры бункера, Матвей решительно двинулся в ту сторону. Как оказалось, тюрьма, из которой ему удалось вырваться столь «волшебным» образом, находилась в самом дальнем конце бункера.

Теперь же, двигаясь от центрального входа, Матвей добрался до жилого отсека очень быстро. К его удивлению, на этот раз у входа в казарму охранника не было. Судя по всему, обитатели бункера надеялись на охрану КПП и в центральном коридоре, охрану не выставляли. Подобравшись к двери, которая ничем не отличалась от той, что проводник уже видел, Матвей заглянул в иллюминатор и, убедившись, что в казарме ничего не изменилось, достал из сумки две гранаты.

Сунув их рычагами за пояс, он взял ещё две гранаты и, ухватившись пальцами за кольца, вырвал предохранители. Сунув локоть под рычаг крамольера, он приоткрыл тяжёлую дверь и, вздохнув, швырнул гранаты в казарму. Тут же навалившись на дверь, он захлопнул её и, выхватив из-за пояса приготовленную пару, просунул пальцы в кольца крест-накрест. В казарме грохнул двоянный взрыв, и тяжёлая дверь ощутимо толкнула его в плечо.

Повторив операцию, Матвей захлопнул дверь и запер её крамольерами. По правилам нужно было произвести полную зачистку, но делать это одному, не имея прикрытия, Матвей не решился. Кто-то сообразительный вполне мог проделать то же самое, что только что сделал сам проводник. Перебежав к другой двери, не менее мощной, Матвей снова заглянул в иллюминатор и, увидев какое-то помещение, снова достал гранаты.

Это оказалась ещё одна казарма. Потратив ещё четыре гранаты, Матвей запер дверь и, чувствуя, как его потряхивает от переизбытка адреналина в крови, направился к следующей двери. На этот раз, словно для разнообразия, дверь оказалась просто железной. Без окошек и иллюминаторов. Взявшись за ручку, Матвей осторожно приоткрыл её и, увидев какой-то короткий коридор с четырьмя деревянными дверями, тихо двинулся вперёд.

Он едва успел прикрыть за собой дверь, когда из дальней двери в коридор вышел какой-то мужик в трусах и распахнутом банном халате. Очередь в три патрона отбросила мужика назад. Пнув ближайшую дверь, Матвей в голос выругался. Она открывалась наружу. От удара не запертое полотно приоткрылось, и проводник, подцепив его носком берца, заглянул в помещение. Это была жилая комната. На кровати, сонно разглядывая человека с автоматом, сидел мужчина.

Матвей выстрелил не раздумывая. Решив экономить патроны, проводник стрелял одиночными. Раз в грудь и раз в голову. В соседних комнатах послышались испуганные голоса, и в коридор выскочили сразу двое. Две короткие очереди, два контрольных выстрела, и проводник вышел в коридор. Из-за угла, топоча берцами, выбежал охранник, сжимая в руке пистолет. Короткая очередь отбросила его к стене, а в коридоре, из которого появился охранник, послышались испуганные голоса.

– Обосрались, сволочи, – прошипел Матвей, бросаясь к повороту.

Встав на колено, он высунулся из-за угла и, увидев трёх охранников, открыл огонь. Где-то в глубине бункера слышались крики и команды. Понимая, что скрываться теперь бесполезно, Матвей двинулся вперёд. Теперь только драка. И главное в ней – почаще оглядываться назад. За следующим поворотом проводника поджидал неприятный сюрприз. Очевидно, сценарий нападения на бункер и его оборона как-то отработывался.

Трое охранников, распластавшись на полу, открыли огонь из пистолетов, едва только Матвей попытался высунуться из-за угла. Зло усмехнувшись, проводник достал гранату и, вырвав чеку, с силой швырнул её за угол. Присев на корточки, он отрыл рот и прикрыл уши руками, пытаясь избежать баротравмы. Ударная волна в закрытом помещении могла вывести из строя не хуже осколков. Так случилось и со стрелками.

Быстро зачистив боковой коридор, Матвей двинулся в сторону голосов. Кто-то явно пытался организовать оборону. А такие проявления нужно пресекать сразу. Что называется, на корню. Добравшись до очередного угла, Матвей чуть было не нарвался на пулю. Кто-то явно хваткий и достаточно опытный успел выстрелить, едва заметив движение у поворота. Спор решила очередная граната. Добравшись до стрелка и проведя контроль, Матвей снял с тела снаряженные рожки и, быстро выдернув из автомата противника возвратную пружину, двинулся дальше.

* * *

Громкие команды и отборную матерщину прервал грохот взрыва, от которого замигал свет и ходуном заходили стены. Хищно усмехнувшись, Матвей сменил магазин в автомате и, прошипев:

– Не ожидали, сволочи? – двинулся дальше.

Сквозь звон в ушах, вызванный взрывом, проводник расслышал истошные вопли боли и крики о помощи.

Подобравшись к очередному повороту, Матвей выглянул и только теперь понял, что ошибся. Заминированная им оружейка имела два выхода. Тот, через который проник в неё проводник, так и остался закрытым. Охрана вошла в неё из центрального коридора, и в попытках кто-то зацепил штабель ящиков с гранатами.

Так что, подойдя к тому месту, где ещё несколько минут назад была оружейная комната, Матвей с удовольствием рассмотрел сквозь оседающую пыль кучу щебня и расплывающиеся лужи крови. Несколько одиночных выстрелов избавили всех выживших от мучений, и проводник, достав план бункера, снова попытался сориентироваться.

Из созерцательной задумчивости его вывел топот ног и загромождённая стрельба. Усталость сыграла с ним злую шутку. Матвей не успел правильно отреагировать на появление противника и получил пулю в левое плечо. Упав за кучу щебня, Матвей в голос выругался и, достав гранату, швырнул её в сторону противника. Не ожидавшие такого ответа охранники попытались укрыться, но в длинной кишке коридора сделать это было проблематично.

Понимая, что использовать автомат одной рукой не сможет, Матвей достал один из трофейных пистолетов и, быстро проведя контроль, отошёл в угол, где можно было заняться раной. Стянув с себя РПС и куртку, он мрачно посмотрел на рану и, разрезав ножом свою футболку, принялся накладывать импровизированную повязку. Сейчас самое главное было остановить кровь. Пуля вошла под ключицу. Судя по дыханию и отсутствию крови в слюне, лёгкое было не задето.

Но рука почти не двигалась. Потом вместе со слабостью накатилась боль. Оглядевшись, Матвей распорол футболку на ближайшем охраннике и, обвязав её полосами импровизированный тампон, принялся надевать РПС. Закинув автомат за спину и перевесив сумку с патронами на правое плечо, он сменил обойму в пистолете и, поднявшись, двинулся в обратную сторону.

Судя по пятнам крови и количеству тел, основная масса охранников была уничтожена. Те же, кто остался в живых, явно дезориентированы и в бой не рвались. Значит, настало время отыскать, наконец, Роя, и покинуть эту юдоль скорби. Сосредоточившись, проводник попытался позвать пса, но ответа так и не получил. Вернувшись к КПП, он свернул в коридор, по которому ещё не ходил, и едва добравшись до ближайшей двери, понял, что попал туда, куда надо.

Коридор пересекала решётка, сваренная из толстых прутьев. Табличка на двери гласила, что отсюда начинается исследовательская зона и проход посторонним категорически воспрещён. Осмотрев замок, вваренный между двух стальных листов, Матвей привязал к нему гранату клочком футболки и, осторожно разогнув усики чеки, задумался.

Верёвки, чтобы выдернуть предохранитель из-за угла, у него не было. Значит, настало время в очередной раз заняться импровизацией. От угла до решётки было метров двадцать. Расстояние для уверенного пистолетного выстрела. Быстро выщелкав из пистолетной обоймы патроны, проводник прицепил её к кольцу и, развернув гранату так, чтобы пуля выбила чеку, отступил к углу.

Но только вскинув пистолет, Матвей вдруг понял, что может и не попасть. Его подташнивало, во рту стоял привкус меди, а в глазах то и дело темнело. Прижавшись лбом к стене, проводник дал себе пару минут, чтобы отдышаться, и усилием воли взяв себя в руки, снова поднял пистолет. Тщательно прицелившись, он плавно нажал на спуск, и «Грач», дёрнувшись, выплюнул пулю.

Но Матвей промахнулся. Ударившись чуть выше, пуля выбила искру из прута и рикошетом ушла куда-то в коридор. Злость жаркой волной ударила Матвею в голову, и он сразу почувствовал себя лучше. Боль и тошнота отступили.

Это было то самое чувство, благодаря которому они с Роем смогли подчинить себе пленного пришельца и заставить его отвечать на их вопросы. То, благодаря чему, их пара была непобедимой.

Привычным жестом, вскинув пистолет, Матвей выстрелил почти не целясь и, услышав хлопок запала, отступил за угол, прикрывая уши и открывая рот. Разрыв гранаты разворотил дверь, открыв ему доступ в зону исследований. Сунув пистолет за пояс, он передвинул автомат под руку, повесив его на ремень, и, сменив магазин, двинулся вперёд.

Несмотря на поздний, точнее, ранний час, в лаборатории вовсю шла работа. Подойдя к массивной, звуконепроницаемой двери, Матвей мрачно покосился на кодовый замок, снабжённый прорезью для ключ-карты и, выругавшись, полез за очередной гранатой. Но вновь посмотрев на дверь, он сунул ребристую чушку обратно и, достав пистолет, отступил к противоположной стене. Два выстрела в клавиатуру заставили замок заискриться и выбросить в сторону противника клуб серого вонючего дыма. Электрический запор щёлкнул, и тяжёлая дверь приоткрылась.

– А ещё говорят, что грубая сила ничего не решает, – зло усмехнулся Матвей, пытаясь открыть дверь шире.

Войдя в тамбур, проводник увидел перед собой широкое окно и, заглянув в него, рассмеялся коротким, злым смехом. В лаборатории было человек двадцать, – двадцать пять. Все в белых халатах и с масками на лицах. У многих на руках были резиновые перчатки. Вся эта толпа постоянно перемещалась, и Матвей никак не мог определить их точную численность. Взгляду не за что было зацепиться. Наконец, устав от бесполезных попыток пересчитать противников, проводник отступил от стекла и принялся осматривать дверь.

Замок на ней оказался клоном уже погибшего запора, так что Матвей не стал изобретать велосипед и достал пистолет. Дверь открылась, и проводник, сменив оружие, вошёл в лабораторию. Понимая, что любые мысли о сопротивлении в таких случаях нужно пресекать сразу, он с порога выпустил длинную очередь от пояса по ближайшим белым халатам.

Ответом ему послужили испуганные вопли и крики боли. Трое учёных были убиты сразу, ещё двое, завывая на одной долгой ноте, дёргались на полу. Добив остаток патронов в стоящее на столах оборудование, Матвей быстро сменил магазин, придерживая автомат раненой рукой и развернувшись к присевшим от страха и неожиданности яйцеголовым, скомандовал:

– А ну в угол все, твари!

Подчиняясь движению автоматного ствола, вся толпа сбилась в кучу на крошечном пятачке, возле маленького стола, на котором стояли кофеварка и принадлежности для вдумчивого питья кофе.

– Представляться не буду. И так все знаете. Так что вопрос у меня один. Где моя собака? – прохрипел Матвей севшим от усталости голосом.

– Вы понимаете, что натворили? – попытался выступить один из головастика, но проводник не был расположен к долгим дискуссиям.

Короткая очередь по ногам заставила болтуна заткнуться и, упав на пол, заорать от боли в пробитых голених. Рядом с ним упал ещё один головастик. Этого хватило. Сообразив, что упорствуя, рискуют собственным здоровьем, яйцеголовые дружно указали руками куда-то в дальний конец лаборатории. Покосившись в указанную сторону, Матвей понял, что у него появилась дилемма. Отправиться за Роем и, вполне возможно, получить пулю в спину, или послать за ним одного из этих подонков.

– Ты, – ткнул стволом автомата в ближайшего головастика Матвей. – Приведи его сюда.

– Вы не понимаете... – заговорил тот, и проводник снова нажал на курок.

Яйцеголового отбросило на стоящих рядом, и толпа зашлась истеричными криками.

– Я не давал команды разговаривать. Я сказал: привести его сюда, – прохрипел проводник. – Ты, пошёл за собакой.

– Он без сознания, – дрожащим голосом ответил учёный, сжимаясь в комок от страха.

– Почему?

– Ему постоянно вводится маленькая доза транквилизаторов. Процесс полностью автоматизирован.

– Значит, останови процесс и привези его сюда на каталке, – ответил Матвей, поднимая ствол. – У тебя три минуты. Потом я кого-нибудь убью. И буду убивать по одному человеку каждую последующую минуту. Вопросы есть?

В ответ перепуганный учёный затравленно покосился на лежащий рядом труп и отрицательно помотал головой.

– Позвольте, я это сделаю? – спросил другой головастик.

По манере двигаться и голосу Матвей определил в нем женщину.

– В вашем стаде водится тётя с яйцами? – зло усмехнулся проводник.

– Нет. Я анестезиолог, и знаю, как правильно остановить процесс, – судорожно сглотнув, ответила женщина.

Медленно, шипя сквозь зубы от боли, Матвей достал из подсумка гранату левой рукой и, зубами выдернув кольцо, сказал, демонстрируя ей игрушку:

– Попробуешь выкинуть какой-нибудь фортель, всех положу. Имей в виду, стрелять мне в спину означает убить их всех. И ещё. Сколько времени потребуется, чтобы Рой пришёл в себя?

– Часа полтора-два. Транквилизатор имеет ещё и накопительное свойство. Так что прежней собакой он станет дня через три-четыре, а до этого будет сонный и вялый, – быстро ответила женщина.

– Какие ещё побочные эффекты у этой дряни?

– Передозировка может вызвать болезнь почек и печени, – нехотя ответила она.

– Молись, чтобы вы не ошиблись в дозировке. Вези его сюда, – рыкнул Матвей, прислоняясь к стоящему рядом столу.

Ноги проводника подрагивали от усталости и потери крови. Очень хотелось пить, а в ушах стоял постоянный тихий звон.

– Вы ранены. Вас нужно перевязать, – проговорил один из учёных.

– От вас я корки хлеба не возьму, от голода подыхая, – огрызнулся Матвей. – Стань на место и замри, если пулю словить не хочешь.

Понимая, что это не пустая угроза, доброхот быстренько затесался обратно в толпу. Подумав, Матвей медленно прошёлся вдоль стоящих рядом шкафов и, найдя знакомые предметы, принялся перекладывать в сумку бинты, вату и перекись водорода. Стоявшие в углу головастики напряжённо наблюдали за каждым его движением. Матвею даже начало казаться, что его рука, сжимавшая гранату, начала нагреваться от сосредоточенных на ней взглядов.

Послышался тихий скрип резины по кафелю, и в лабораторию вкатилась каталка, на которой, вытянувшись, лежал Рой. Жестом указав женщине, куда поставить это транспортное средство, Матвей отогнал её к остальным и, погладив пса по голове, тихо прошептал:

– Рой, Роюшка, как ты тут, приятель?

В ответ раздалось только тихое поскуливание. Псу явно было больно. Отчего, Матвей не знал, но больше всего в этот момент ему захотелось швырнуть гранату в это мерзкое стадо. Взяв себя в руки, проводник медленно откатил каталку к двери, но его внимание вдруг привлёк странный, удивительно знакомый звук. Остановившись, Матвей прислушался и, убедившись, что ему не почудилось, оглянулся на насторожившихся учёных. Эти подонки явно пытались что-то скрыть.

Граната в руке начала мешать, да и сама рука уже еле удерживала рычаг. Поэтому Матвей взял чеку, которую так и держал в зубах и, осторожно вставив её на место, сунул гранату в подсумок. Это действие вызвало у головастиков хорошо слышимый вздох облегчения.

– Рано обрадовались, – проворчал про себя Матвей, быстро меняя магазин в автомате.

Отработанное годами войны движение оказалось неожиданным для учёных и произвело на них удручающее впечатление. Понимая, что расслабляться нельзя, Матвей боком сдвинулся в сторону источника услышанного звука, продолжая держать учёных под дулом автомата. То, что он увидел за большим монитором, закрывавшим обзор, заставило проводника забыть обо всём на свете.

В стеклянном аквариуме, буквально распятый нейлоновыми ремнями, лежал заживо препарированный щенок. Ко всем его внутренним органам были подсоединены какие-то датчики. Крошечное сердечко билось, лёгкие сжимались и разжимались, качая воздух, а ещё беззубая пасть то и дело раскрывалась в крике боли. Именно этот звук и привлёк внимание проводника.

Бешенство ударило Матвею в голову сильнее спирта. В ушах загудело от прилива крови, а перед глазами встала красная пелена. Несколько минут Матвей не мог поверить собственным глазам. Потом, выпустив рукоять автомата, он выхватил из-за пояса «Грач» и одним выстрелом покончил с мучениями щенка. Так же быстро сменив оружие, он развернулся к учёным, и вся эта толпа испуганно шарахнулась.

– Вы не люди, – прохрипел Матвей. – Вы даже не звери. Вы просто бездушные твари, которых нужно уничтожать.

– Нет! – раздалось в ответ, а проводник нажал на спуск.

«Сто третий» зашёлся злобным грохотом, и люди начали валиться на пол, обливаясь кровью. Матвей продолжал давить на курок даже после того, как затвор сухо щёлкнул. Сменив магазин, он, не задумываясь, произвёл контроль и, убедившись, что живых в углу не осталось, медленно обвёл лабораторию взглядом. Уйти отсюда, не убедившись, что подобного увиденному больше нет, он не мог.

Подойдя к каталке, Матвей осторожно коснулся носа собаки и, убедившись, что пёс дышит, начал медленно обходить всё помещение. У противоположного от кофейного стола

угла он наткнулся на небольшой ящик, в котором что-то шуршало, скреблось и попискивало. Ногой откинув крышку, Матвей растерянно охнул. В ящике находилось полтора десятка месячных щенков самых разных пород.

Растерянно оглянувшись на каталку, Матвей посмотрел на ящик и, ухватившись за приделанную сбоку ручку, потащил его к выходу. Под лежанкой каталки полка не было. Оглядевшись, Матвей оторвал от стены какой-то стеновой элемент и положил его на трубки под лежанкой. Кое-как впихнув ящик на эту импровизированную полку, проводник сгрузил на каталку РПС, сумку с гранатами и боеприпасами и автомат, оставив только пистолет за поясом. После этого, ухватившись за ручки каталки, животом навалился на неё, выкатывая из лаборатории.

Выбравшись в коридор, он осторожно развернул каталку и медленно покатил её в сторону стоянки. Щенки, словно почувствовав, что ситуация непростая, притихли, перестав возиться и поскуливать. Малыши явно хотели, есть, но искать им пищу в лаборатории Матвей уже не мог. Не было сил. Добравшись до запасного выхода со стоянки, он открыл дверь и, с трудом протаскивая каталку в узкий проём, вернулся, чтобы закрыть дверь.

В этот момент раздался одиночный выстрел, и правое бедро проводника словно кипятком обожгло. Выхватив пистолет, Матвей выпустил в ту сторону три серии по два патрона и, услышав болезненный вскрик, выпал из коридора на пол парковки. Захлопнув за собой дверь, он задвинул тяжёлую щеколду. Потом, проковыляв к верстаку, взял из ящика пассатижи без изоляции, сунул их в проушины для навесного замка.

Вернувшись к каталке, он выволок её к машине и, открыв дверцу, принялся перегружать добычу. Самым сложным было переложить Роя. Огромный кобель весил чуть меньше самого проводника. Матерясь и шипя от боли, Матвей втащил пса в машину и, усевшись за руль, запустил двигатель. Сейчас нужно было любой ценой убраться подальше от разгромленного бункера. Включив передачу, Матвей плавно отпустил сцепление, и «Тигр» бодро выкатился на узкий просёлок.

* * *

Все связи, телефонные звонки и личные договорённости результатов не дали. Рой и его проводник словно сквозь землю провалились. Шли вторые сутки поисков, и Лоскутов уже начал откровенно звереть. На вопросы начальства о ЧП он рычал в трубку так, что в комок сжимались даже выдавшие виды связисты, работавшие с аппаратурой ЗАС. Дана то и дело порывалась отправиться в центр, чтобы лично вытрясти из засевших там генералов ответ на вопрос, куда дели её друга.

Лоскутов, отлично понимая, чем может закончиться такая эскапада, приказал передать по команде указание, с базы её одну не выпускать. Но девушка и сама не рвалась покидать базу. Переночевав в госпитале, она с раннего утра оккупировала генеральскую палатку, первой встречая любого входящего. Нервозность дочери передавалась и генералу. Не выдержав напряжения, Лоскутов попросту выгнал её из штабной палатки, отправив прогуляться до продуктового склада за банкой кофе.

Оставшись один, генерал открыл сейф и, плеснув в бокал немного коньяку, залпом выпил. Поспать ему не удалось, а текущие дела отлагательства не терпели, так что Лоскутову пришлось прибегнуть к лёгкому допингу. Он едва успел запереть сейф и сесть за стол, когда в приёмной послышалась какая-то суеда, голоса и в кабинет ввалился не кто иной, как пропавший Беркутов.

Едва увидев проводника, генерал вскочил на ноги и открыл рот, чтобы приказать вызвать медиков, но Матвей, протягивая ему какую-то бумагу, прохрипел:

– Бункер. От указателя по просеке, а там по просёлку. Найдёте. Там растяжки. В машине Рой и щенки. Их покормить надо. А я, кажется, приехал. – После чего потерял сознание.

Примчавшиеся медики уволокли проводника в госпиталь, а генерал, осмотрев кое-как нарисованную схему, со злостью сжал кулаки. Он знал, где находится этот бункер, и знал, что по всем официальным бумагам он числился на консервации. Вызвав командира роты быстрого реагирования, генерал быстро объяснил ему задачу и, указав на карте, где именно нужно искать объект, вышел на улицу.

Генералу стало интересно, на чём умудрился удрать от противника Матвей. Увидев брошенный перед штабной палаткой «Тигр», Лоскутов сразу узнал эту машину. Это был один из тех броневинов, на которых приехали учёные по указке из центра. Скрипнув зубами от злости, генерал вернулся в палатку и, приказав соединить его с госпиталем, потребовал отчёта о состоянии проводника.

Выслушав ответ, он позвонил в ветеринарку и, вызвав дежурного врача, потребовал отчёта. Как оказалось, состояние Роя было намного лучше состояния его проводника. Псу уже поставили капельницу, для выведения из организма транквилизатора, так что часа через четыре он должен прийти в себя. Что же до привезённых щенков, то ими занимаются, но первый осмотр показал: псыта здоровые, породистые, но голодные.

Выслушав это всё, Лоскутов поблагодарил дежурного ветеринара и положил трубку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.